

Вадим Косинцев
Боевой устав Гоблина
Серия «Боевой устав Гоблина», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658535
Боевой устав Гоблина: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49834-5

Аннотация

Федор Стволов, образцовый сержант Российской армии, неукоснительно соблюдал Устав, пока не повстречал веселую бабенку. Ну оступился разок, с кем не бывает? Однако Федор утратил вверенное командованием имущество, и ему грозил дисбат. Но вместо дисциплинарного батальона Стволов загремел... в Даггош – подземную страну гоблинов, орков и эльфов! Стоит невезению начаться, конца ему не будет. Эльфийское командование принялось за нарушителя всерьез и сразу отправило Федора в джунгли, уничтожить Черного Шамана – вождя мятежных гоблинов, а в напарники назначило полуорка Зака Маггута и француза Люсьена, который только с виду казался человеком. Вооруженная до зубов троица пустилась во все тяжкие, чтобы выполнить задание командования. И – перевыполнить тоже... Устав, он и в Даггоше Устав!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вадим Косинцев

Боевой устав Гоблина

Пролог

Все началось с того, что сержанта срочной службы Федора Стволова угораздило утратить вверенное армейское имущество. К сожалению, этим растяпой оказался не какой-нибудь умозрительный, совершенно чужой человек, а я сам. Говоря проще, я потерял ночной прицел от снайперской винтовки. Здоровенную такую бандуру, похожую на гибрид школьного телескопа с радаром постового ДПС. В армии слово «потерял» не в ходу. Там используется другой глагол, более энергичный, грубый и, что греха таить, более подходящий к описываемому случаю.

Вообще-то я человек ответственный, я надежный, как железобетон, вот только от действия всемирного закона подлости никто не застрахован. Матушка-природа частенько проверяет этот закон на самых достойных: кто-то при полном параде в лужу шлепнется, кто-то чесотку от любимой кошечки подхватит, ну а я заснул в самом неподходящем месте. Имея злосчастный прицел при себе. А когда проснулся, оказалось, что его уже нет. И где искать пропажу, неясно.

Само неподходящее место можно описать одним словом – притон. Какими словами можно описать идиота-сержанта, распивавшего паленую водку с гражданским лицом женского пола, мне уже довелось узнать от старшины, от командира взвода, от командира роты и от командира батальона. Слова были в основном одинаковые, но в таких разнообразных сочетаниях, что просто атас!

Теперь мне предстояла встреча с начхозом. В том, что она будет незабываемой, сомневаться не приходилось. О начхозе, подполковнике Ярыгине, слухи в нашей части ходили разные, но среди них не было ни одного внушающего надежду на прощение. Молодые бойцы считали, что Ярыгин самый настоящий упырь и пьет ночами солдатскую кровь. Старослужащие были убеждены, что он извращенец и поступает с солдатами не как с мужчинами, а как с девушками. Офицеры не сомневались в том, что подполковник – колдун и чернокнижник. Со складов части постоянно пропадали материальные ценности, пропадали в огромных количествах и абсолютно бесследно. Однако начхоза за эти пропажи ни разу не наказали. Объяснить такое везение можно было только волшебством.

Кем является страшный подполковник на самом деле, мне предстояло выяснить через секунду. Я шумно вздохнул и открыл дверь в кабинет.

Ярыгин сидел, навалившись выпуклой, как у штангиста, грудью на столешницу огромного дубового стола, и с яростью лупил по клавишам старенького ноутбука. Ноутбук был вполне обычным, а вот стол – не совсем. Ножки у него были неуставные. Резные, в виде мускулистых и волосатых ног с бронзовыми раздвоенными копытами. Совсем как у сатаны. У меня в памяти тут же всплыл ефрейтор Соболев, который однажды ночью перебудил всю казарму диким воплем «Ярыгин-то черт!», а наутро уехал в армейский дурдом. Но полностью воспоминание проявиться не успело. Подполковник растянул тонкогубый рот в мерзкой улыбке, захлопнул ноутбук и сказал:

– Ага.

– Сержант Стволов по вашему приказанию прибыл, – запоздало пролепетал я.

– Сержантом тебе недолго гулять осталось, – сообщил Ярыгин и ухмыльнулся еще противнее. – На зоне сержанты только на вышках стоят. С пулеметами. А ты будешь внизу грязь месить.

Я почувствовал, что бледнею.

– Что такое? – фальшиво озабочился начхоз. – Неохота на нары?

– Никак нет, товарищ полковник.

– А пьянствовать с подозрительной бабой охота было?! Неизвестно где, понимаешь!

Молчать, раздолбай! Тебя куда отправляли с прицелом?

– На полигон.

– Правильно, на полигон! Передать прицел капитану Зарипову и до отбоя вернуться обратно. Как же ты оказался в этой хреновой избе?.. А, ладно, бесполезно все это. – Ярыгин махнул рукой.

Мне тоже подумалось, что обсуждать мой проступок – дело бесполезное. Я помнил, как встретил по дороге на полигон симпатичную веселую бабенку, как шутил с ней и согласился распить за компанию по баночке джин-тоника. А дальше не помнил ничего. Очнулся уже на следующий день в заброшенном доме. С жутким похмельем, без денег, без прицела и без штанов. Штаны потом нашлись под кроватью, вместе с чехлом от прицела. В чехол была издевательски засунута пустая бутылка из-под водки. А в кармане штанов нашлась страница газеты «Красная звезда» с заголовком «Пьянство на службе – путь к преступлению». Как вспомнишь, так вздрогнешь!

– Сейчас другое важнее, – сказал начхоз сурово. – Что делать-то будем, сержант?

– Могу денег насобирать, – сказал я не слишком уверенно. – Напишу родителям. Машину продадут. Может, хватит.

– Денег? – поразился подполковник. – Да ты хоть знаешь, сколько он стоит, прицел этот? У твоих родителей что, «Мерседес»?

– Нет, «шестерка».

– Ха. Ха. Ха, – делая оскорбительно длинные паузы, сказал начхоз. – А квартира в Москве есть?

– Откуда?

– В таком случае конец тебе, Стволов, – сказал начхоз и начал медленно и грозно двигаться над столом.

Я повесил голову, понимая, что Ярыгин сейчас сделает со мной то, о чем шепчутся солдаты. А когда пресытится, вызовет конвой и отправит на гауптвахту.

Секунды шли, со стороны стола доносились какие-то звуки, но ничего ужасного не происходило.

– Ну ладно, боец, не бойсь. Помогу.

Я поднял голову. Подполковник стоял возле окна, курил трубку, черную и изогнутую, как ветка мертвого дерева, и пускал дым в форточку.

– Поможете? – переспросил я, не веря своему счастью.

– Да.

– Спасибо, товарищ полков...

– Погоди благодарить. Короче, так. Дело можно замять, но стоять это будет дорого. У тебя таких денег нет. У меня тоже. Но мы их заработаем.

– Как?

Ярыгин помолчал, фукая густым дымом с запахом горящего каменного угля. Затем выбил трубку в маленький чугунный горшочек, что стоял на подоконнике. Подошел ко мне тяжелыми шагами, взял за пуговицу и, дыша благородным коньячным перегаром, прошептал:

– Ты отправишься наемником к эльфам. Они хорошо платят за наших солдатиков.

– Чего? – испуганно спросил я.

– Того! – рявкнул начхоз. – Со слухом плохо? Наемником, говорю. К эльфам, на внутреннюю поверхность Земли. У остроухих сейчас серьезные проблемы с гоблинами. Бун-

товать вздумали, вонючки. Эльфы сами воевать не хотят, опасно. Вот и принимают всех подряд в миротворческие силы. Платят чистым золотом! Побакланишь до конца службы у них. Дурацкое дело нехитрое, справишься. Здесь скажу, что отослал тебя в командировку. Сколько тебе до дембеля осталось?

– Четыре месяца, – сказал я севшим голосом. – С половиной.

Подполковник явно рехнулся, поэтому спорить с ним или вслух удивляться его словам не следовало. Нужно было соглашаться с любыми заявлениями, поддакивать и ждать удобного момента для бегства.

– Месяц – это сто граммов презренного металла, – забормотал Ярыгин. – Умножить на четыре с половиной, минус посреднические... Думаю, хватит. Еще и на подарки родителям останется. Да и я новые часики куплю. Давно к швейцарским присматриваюсь. Ну как, согласен?

– Так ведь деваться-то некуда, – заискивающим голосом сказал я.

– Верно мыслишь, сержант. Тогда не будем тянуть кота за хвост. Тем более с принимающей стороной я уже договорился. Прошу за мной!

Подполковник наконец отпустил мою пуговицу и прошагал к шкафу для документов. Шкаф был самый обычный, пластиковый, с дверцами во всю высоту. Дверцы были забраны матовым стеклом. На стекле зеленой краской нанесен опять же неуставной рисунок: деревья вроде пирамидальных тополей, а под ними – гарцующие единороги.

Когда начхоз начал открывать дверцы, я тихонько попятился. Ярыгин тянул легонькие дверцы со страшным усилием, будто они были отлиты из броневой стали в метр толщиной, а я пятился. Когда дверцы шкафа распахнулись, я достиг двери.

Резко развернувшись, надавил на ручку, но впустую. Ручка не поворачивалась, дверь не открывалась. Я пнул дверь ногой. На плечи мне легли сильные жесткие руки, и кабинет заполнил грохочущий голос начхоза:

– Так мы не договаривались!

Меня, парня весом в восемьдесят килограммов, подняли, словно котенка, за шкурку и ремень, раскачали и бросили. Я успел заметить, как стремительно приблизились внутренности шкафа. Вместо папок с бумагами там змеились какие-то корни – и я врубился в них головой.

* * *

Корни оказались не плотнее дыма. Я пролетел сквозь них и очутился в бурой мохнатой кишке метров двух диаметром. Кишка вела вертикально вниз, то утолщаясь, то вновь сжимаясь. Бесконечно долго я падал внутри нее, кувыркаясь, будто варежка в аэродинамической трубе, и оглушительно вопя от непереносимого ужаса. Потом свежесть ощущений поутихла, и я неожиданно для себя заснул. Впрочем, почему неожиданно? Солдат спит в любое время и в любом месте. Как говорится, сидя, стоя и с колена. Ведь чем крепче сон, тем ближе дембель.

Очнулся я на мягкой подстилке из мха. Башка после кошмарного перелета чесалась просто дико. Кое-как протер глаза и жадно осмотрелся. Находился я в просторной пещере. Мягкий мох выстилал не только пол, но и стены, и потолок. Сквозь мох кое-где прорастали бока могучих корневищ. С высоких сводов на веревочках вроде лиан свисали плетеные шары, внутри которых копошились светящиеся букашки. Освещали эти шары похуже люстр с электрическими лампочками, но получше свечек или керосиновых ламп.

В одной из стен виднелся полукруглый лаз.

Как ни странно, общее самочувствие у меня было вполне удовлетворительным. Никакой паники, никакого страха перед будущим. Как будто колдун Ярыгин не черт знает куда

меня зашвырнул, а отправил в родную казарму. Только почему-то опустевшую и обросшую мхом.

Сидеть в пещере до бесконечности смысла не было. Я уж совсем собрался покинуть это место, как вдруг одно из корневищ высунулось наружу и свилось кольцом. Под кольцом задрожал воздух. Удивляясь собственной храбрости, я решил подождать, чем это кончится.

Сначала из марева сформировалось что-то вроде полупрозрачного двухметрового слизня. Потом у «слизня» появились конечности, голова, наконец, он отвердел и превратился в коренастого негра с выдающейся нижней челюстью и мускулатурой, как у не самого положительного героя комиксов. Негр был не чисто черным, а с какими-то желто-зелеными подпалинами и, кроме того, абсолютно голым. Через плечо у него висел туго набитый американский армейский мешок. От негра воняло потом.

Я поморщился и отступил на пару шагов в сторону. Негр потянулся, рыкнул, будто зверь какой, распечатал мешок и начал одеваться. На меня смотрел исподлобья, но в целом дружелюбно.

Подождав, пока он оденется, я протянул руку для пожатия.

– Привет, рядовой! – сказал я на английском.

Как-никак отучился два с половиной курса в педагогическом институте, на инязе. И в армию попал только потому, что из-за обилия на факультете девчонок совсем забросил учебу и завалил сессию. Военкомат, видимо, только этого и ждал.

– Я Федор Стволов, русский сержант.

– Привет, сержант. – Черно-желтый солдат обнажил в улыбке крупные зубы. – Я Зак Маггут, орк.

– Орк – это подразделение?

– Это национальность! – возмущенно рявкнул тот. – Разве сразу не видно? Смотри, какие шикарные полосы! – Он ткнул пальцем в зеленые разводы на лице. – А зверские подбородок и скулы! Прижатые уши с восхитительно большими мочками! Прямые волосы! Настоящие племенные признаки. Высший сорт! Тебе этого мало?

– Я не очень хорошо разбираюсь в орках, – примирительно сказал я. – На мой взгляд, ты больше похож на африканца.

– Чо, правда?

– Да.

– Вот дерьмо! – огорчился Зак. Подумал и нехотя добавил: – Знаешь, ты прав. У меня только отец орк, а мама чернокожая американка. Из-за этого проблемы всю жизнь. В Америке цветные братья своим не признают, а в Шагоране орки чужаком считают. Из-за этого и завербовался сюда. Тут никому нет дела до твоих родичей. Главное, чтоб сам был настоящим мужиком. А ты как сюда попал?

– Да так, – уклончиво сказал я. – Неприятности.

– Как у всех. Готовься, здесь тоже трудно придется. Чистокровных людей среди наемников мало. Русских тем более. В основном полукровки.

– Откуда знаешь?

– Общался с бывалыми парнями в учебной части.

– Вас еще и учат перед отправкой сюда? А где?

– В Америке, конечно. А вас разве нет? – удивился орк.

– Нет.

– Этого следовало ожидать. Россию даже в Шагоране, на родине орков, считают дикой страной.

– Эй, полегче, приятель. Могу ведь и рассердиться. А в гневе я страшен и очень-очень опасен. Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что обучался в русской диверсионной школе! – лихо соврал я.

– О! Круто.

– А то. Слушай, Зак, давай будем держаться вместе, – предложил я. – Я страшен в гневе и знаю науку диверсий, ты силен и орк вдобавок. Вдвоем горы свернем.

– Давай, – согласился оркоафроамериканец. – Только учти: если местные орки меня в свою команду примут, я перейду к ним. Иначе они меня презирать начнут.

Я тяжело вздохнул.

– Ладно, идет. Ваши еще будут?

– Позже, дня через три. Пока я один. Остальные прививку переваривают. Слабаки, какой-то укольчик в нокаут отправил.

– Так вам еще и прививки ставят? – спросил я.

Зак кивнул.

– Иначе нельзя. Гоблины – они же, как крысы, сплошь больные. От них чуму или тиф подцепить легче, чем гамбургер в Америке купить. Я уж не говорю о вшах, блохах и глистах!

– Вот засада, – окончательно расстроился я. – А мне даже витаминку съесть не дали.

Орк сочувственно похлопал меня по плечу твердой ладонью.

– Не переживай, может, и продержишься. Вы, русские, народ крепкий. Слышал, что вас при рождении сибирской язвой заражают. Кто выживет – молодец, а кто умрет, того китайцам на удобрения продают. Раз ты выжил, значит, и гоблинских микробов победишь.

Я подивился орочьему рассказу, но возражать не стал, а сказал:

– Только на это и надеюсь. Ну, на выход, что ли?

Орк с готовностью кивнул.

* * *

За овальной дырой начинался длинный спиральный ход, ведущий кверху. Под ногами вместо мха появилась толстая, крепкая древесная кора, на стенах тоже. Похоже, находились мы внутри огромного дерева. Как оно должно называться – мэллорн, что ли? Но у мэллорна кора должна быть серебристая и гладкая. А у этого была грубая, бугристая, бурая. «Наверное, потому, что места здесь не исконно эльфийские, а гоблинские», – подумал я. В трещинах коры сидели светлячки, над головой порхали ночные мотыльки с пушистыми усиками. Шли долго, минут десять. Я уже начал уставать, как вдруг впереди забрезжил дневной свет. Через несколько шагов мы вступили в высокое и довольно светлое помещение, являющееся, судя по всему, огромным дуплом. Но встретила нас в дупле не белочка. Даже не дятел.

Самый настоящий эльф.

Эльф, вопреки расхожему мнению о стройности детей леса, был коренаст, плотнопузат, брит наголо. Лишь на макушке оставлена белая прядь с вплетенными бусинками. Прямой тонкий нос начинался у эльфа прямо из лба, в острых ушах имелось по серебряному кольцу. Облачение его состояло из камуфляжной майки, серых шорт из тонкой шерсти и кедров на босу ногу. Кедров сильно походили на те, что должны выдаваться российским солдатам во время спортивных состязаний. Однако в части, где я нес службу, рядовой состав такой обуви не получал. Как видно, начхоз Ярыгин поставлял эльфам не только солдат, но и обмундирование.

С белого поясного ремешка у эльфа свисали богато украшенный нож и серебряная фляга, а также кобура. Из кобуры торчали концы короткого деревянного жезла, изогнутого наподобие пистолета. Там, где у пистолета бывает дуло, у жезла грозно сверкал алый камень. С первого взгляда мне стало ясно, что эта штукавина – оружие.

Во фляге явно что-то имелось, емкость заметно оттягивала ремень. На борцовском плече эльфа синела наколка. Она изображала змею, выползающую из глазницы продолгова-

того черепа какого-то животного. Морда у змеи была выполнена кривовато, отчего казалось, что гадина зловеще подмигивает.

Я принял стойку, которую можно было расценивать и как «смирно», и как «вольно». А также как «я настолько крутой боец, что уставные стойки не для меня». После чего опять почесался и посмотрел на эльфа с ожиданием.

Эльф забавно подвигал аристократическим носом и сказал на незнакомом, певучем, но почему-то абсолютно понятном языке:

– Виаллиор, высший эльф. Но вы должны обращаться ко мне «господин майор» и «сэр». – Он сделал паузу и добавил: – Или «сир». Это и есть все обещанное пополнение?

Могучий алкогольный «выхлоп» чуть не снес меня с ног. После кувыркания в «кишке», доставившей меня сюда, способность организма сопротивляться кувалде крепких запахов заметно снизилась.

– Так точно, сир. Сержант Стволов. Из России, – насколько мог молодцевато ответил я, переведя дух. И, черт раздери, сказал я это на эльфийском языке!

– Рядовой Маггут, сэр! – тоже по-эльфийски отрапортовал Зак.

Он держался заметно более скованно, чем я. Известное дело, янки своих солдат муштруют о-го-го! Для них и сержант большая шишка, что уж говорить о целом майоре. Да и орки, если вспомнить, не очень-то дружат с эльфами.

– Не густо, – выразил эльф отношение к количеству пополнения. – Но вы, судя по всему, воины хоть куда. Каждый целого взвода стоит.

– Отделения, – скромно поправил я, скребя пальцем затылок. Чесотка вроде бы постепенно сходила на нет.

– Yes, отделения, сэр, – сказал орк.

– Ну, это мы проверим, – пообещал эльф и произвольно побарабанил длинными пальцами по фляге. – А вообще, сержант Стволов и рядовой Маггут, где остальные-то?

– Из России больше никого, – доложил я. – А американцы в карантине, сир. У них прививок от гоблинской заразы не было. Ну, вдули им, как полагается, весь комплекс, чтобы жизнь медом не казалась...

Я чувствовал себя все уверенней, что наглядно отразилось на моем поведении. Да и если поразмыслить, чего тушеваться? Эльфы там или не эльфы, а забитых лохов везде чморят, зато уверенных в себе парней – уважают.

– А они с копыт, – коротко гоготнув, проявил осведомленность эльф.

– Точно так, сир. Лежат пластом, гадят под себя и видят небо в алмазах. Зак вот крепким засранцем оказался, укол на ногах перенес.

– Ну а ты, стало быть, уже привитый. Или тоже крепкий?

– Меня не прививали, сир.

– Ну и правильно. Гоблинов бояться – на помойку не ходить. Кстати, имя скажи, воин.

– Федор, сир.

– Боевой опыт имеешь?

– Некоторый, – уклончиво сказал я.

– А ты, рядовой, как тебя там... Вижу, бурлящая орочья кровь в жилах течет?

Зак вытянулся, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти.

– Зак Маггут, сэр. Так точно, сэр, я орк! Наполовину.

– Не беда, что наполовину, главное, что бравый, как все орки. Воевал?

– Пока нет, сэр. Но готов, сэр!

Эльф пожевал губами, погладил флягу и сказал:

– Вольно, Маггут. – А потом вдруг плутовато улыбнулся: – Сынки, вы как насчет выпить с высоким эльфом? За успешное несение будущей службы?

Я прислушался к собственному организму. На слово «выпить» тот реагировал адекватно.

– В высшей степени положительно, сир!

Зак молча кивнул. Глаза у него тем не менее заблестели.

– На что я и рассчитывал, – ослабившись, сказал эльф. – Пошли ко мне, бойцы. Там и проинструктирую.

* * *

– Дерево наше хоть и не полноценный мэллорн, но тоже подпирает небеса. Так что по веревке на поверхность не спустишься, – пояснил Виаллиор. – А грузовой планер по расписанию пойдет книзу только послезавтра.

Эльф подмигнул:

– Во-от, а пока грузчики-хоббиты с планером разберутся, я как раз успею ввести вас в курс дела. А вы, если захотите, успеете соблазнить дриаду из древподдержки. Зовут Лолиэт, обитает на третьем ярусе, как раз над нами. Очень, между прочим, символично. Для тех, кто знает ее повадки, х-хэ!..

– Она-то захочет, чтоб ее соблазняли? – спросил я.

– Она всегда хочет. Думаете, почему я так много бухаю?

Логика эльфа сначала показалась мне странной, но потом я вспомнил старинный анекдот про «мне столько не выпить» и поинтересовался:

– Что, такая страшная?

– Сами увидите, – зловещим голосом пообещал эльф. – Все равно она скоро прибежит знакомиться. Так что лучше бы нам начать без промедления. Вот, кстати, моя берлога. Милости прошу.

Берлога Виаллиора оказалась уютным дуплом четыре на пять метров. Под потолком висел знакомый светящийся шар, на полированной стене – серебряное зеркало в изящной оправе. Под зеркалом находилось заросшее мхом возвышение, очевидно, кровать. Стол и два стула посреди каюты были массивными, из резного черного дерева.

– У тебя подружка есть, Стволов? – спросил эльф, усевшись на кровать.

– Конечно, сир.

– Блондинка небось?

– Натуральная.

– Карточку покажешь?

Я с гордостью продемонстрировал несколько помятый снимок, который носил во внутреннем кармане. Моя последняя любовь, Эльза, собирала на нем кувшинки, стоя по бедра в воде. Тонкое платьице облепляло мокрое тело. Виаллиор и Зак одобрительно зацокали языками. Я украдкой вздохнул.

– А у тебя, Маггут? – продолжал расспросы любознательный эльф. – Наверное, тоже имеется широкобедрая орчиха, пылкая, как огонь?

– Я свободная птица, сэр! Мой прадед, военный моряк, учил: когда орк в солдатах, девка ему не подспорье, а одна головная боль. Пока парень служит, она там неизвестно чем занимается. Или наоборот – известно. Ха-ха! Простите, сэр. Зато когда вернусь с золотишком и медалями, все мои будут!

– Правильный мужик твой прадед. Настоящий орк! Возьми на заметку, Стволов.

Минуты три ушло на подготовку таинства. Фляжку эльф передвинул на ремне за спину, сказав «от греха подальше, ибо НЗ!». Пока я пластал нежнейшую копченую рыбу, похожую на форель, а Зак рассказывал о своем героическом прадеде, эльф, не чванясь, занялся сервировкой стола. Расставил четыре миски и три кружки, украшенные изображением единоро-

гов, бросил серебряные ложки. Высыпал на салфетку тонкие галеты. В одну миску опорожнил банку консервированных патиссонов с морковью. Овощи были подозрительного цвета.

«Наверное, местные», – подумал я.

Из углубления под лежанкой эльф вытащил кожаный бурдюк. Когда майор откупорил пробку, запахло сложным букетом, в котором присутствовали ароматы спирта, карамели, чая, корицы и почему-то копченого мяса.

– «Зайчик», – сказал эльф с любовью. – Сам готовлю.

– Ингредиенты? – Я профессионально наострил уши.

– Военная тайна! – заулыбался эльф и наполнил душистым и маслянисто-тяжелым пойлом кружки. Плеснул щедро, больше половины. – Но вы не робейте, сынки, рецепт верный. За знакомство?

– Соответственно! – значительно сказал я, чокнулся со всеми и решительно отхлебнул «зайчика».

Вкус оказался неожиданным – сладко-солоновато-жгучим, примерно как у медовой перцовки, вдобавок с «дымком». Крепость градусов тридцать. Под форель «зайчик» шел просто великолепно. Да и под патиссоны тоже. Я опустошил первую порцию за два раза, но все последующие проглатывал уже без малодушного гражданского уполовинивания. Зак тоже не отставал, демонстрируя, что орки крепки не только против прививок.

После второго тоста «За лесное братство!» эльф приступил к вводу инструктажу.

– Если сейчас не отпрапую эту бодягу, – сказал он со знанием дела, – потом точно не захочется. Да и времени не будет.

Материк, на котором произрастало приютившее нас Древо и куда прибывали наемники для эльфийских миротворческих сил, назывался Новым Шагораном. Размером он был в половину земной Африки. Климат тоже был по-африкански жарким. От остальных земель, заселенных эльфами, орками и другими племенами Старшего Народа, Новый Шагоран отделяли пучины Проклятого океана. Корабли через Проклятый ходить не могли – его воды беспрерывно кипели, как похлебка, исторгая в воздух облака ядовитого пара. Над ним даже драконы летать не решались.

Без малого полтора года назад заключенные в эльфийский научный концлагерь гремлины Мегалла и Тоот открыли принцип, позволявший мгновенно перемещаться куда угодно через корневую систему мэллорнов. В том числе на Новый Шагоран. Мудрые и дальновидные эльфы быстро сообразили, что появился шанс навсегда избавиться от такого грязного, вороватого и завшивленного народца, как гоблины. Была развернута красочная пропаганда. Эльфы не жалели золота на рекламу Нового Шагорана. Неудивительно, что гоблины в очередь выстраивались, чтобы отбыть в далекий рай. Уходили сами, везли с собой животных, растения, обычаи и веру в то, что уж там-то построят такие государства, что задаваки эльфы через сотню лет от зависти умрут! Или даже раньше.

Эльфы щедро подкинули гоблинам выродившихся семян и истощенных магических предметов, пожелали переселенцам удачи, дождались, пока немытая братия переберется на далекий материк почти вся... и заразили новошагоранские мэллорны гнилостным грибом. Меньше чем через полгода древесные гиганты развалились в труху. Уцелели всего два, оба строго охранялись безжалостными наемниками и смертоносными заклятиями. Через корневую систему одного мэллорна на отрезанный материк прибывали наемники, врачи, миссионеры и гуманитарная помощь. Второе Древо было торгово-транспортным.

Разумеется, никакого рая гоблины построить не сумели. Лет через пять нарезали территорию на мелкие государства, плюнули на мечту о рае и зажили по-прежнему. Конфликтуя, голодая и плодясь бешеными темпами. Пришлось эльфам скрепя сердце бросить на Новый Шагоран подразделения «небесных повязок» – аналог земных миротворческих сил. Наемников для «небесных повязок» стали набирать повсюду, в том числе на внешней сто-

роне Земли, где жили люди. На внутренней последние восемьсот лет обитали только Старшие Народы.

– За верность воинскому долгу! – провозгласил я, когда мы наполнили кружки в пятый раз. Слушать сведения о Новом Шагоране насухо было решительно невозможно. Тем более излагать их. Поэтому эльфу пришлось дважды прервать рассказ для того, чтобы «промочить горло».

Едва мы выпили за верность долгу и заели тост последними кусочками форели, как в каюту вошла женщина. Она была поразительно красива. Прямые черные с зеленым отливом волосы завешивали половину безукоризненного лица, аппетитно пухленькое тело слегка прикрывала бледно-голубая футболка и синие обтягивающие шортики.

Я подавился галетой и вскочил, опрокинув стул.

– А это наша Лолиэт, бойцы. Я ж говорил, вы испугаетесь, – сказал эльф и утробно загоготал. – Лолиэт, познакомься с Федором и Маггутом.

Дриада отбросила с лица волосы и протянула мне руку. Я едва не подавился вторично: прежде скрытая под волосами щека Лолиэт была залита гигантским родимым пятном винного цвета.

– Счастлив разделить! – заплетающимся языком пробормотал я, абсолютно не соображая, что же именно желаю разделить, и резко бросил подбородок на грудь. Зубы клацнули.

– Разделим, – загадочно пообещала Лолиэт. Повернулась к Заку. – Ого, да здесь орк! Привет, здоровячок.

– Хелло, мэм, – улыбаясь, проговорил тот и сделал попытку поцеловать дриаде руку. Промазал и чуть не нырнул мордой в пол.

Лолиэт со смехом придержала его за плечи и сказала эльфу:

– Виалл, плесни-ка мне из своей фляжки.

– Энзэ! – покачал пальцем эльф. – Непр... прикосновенный припас! Не имею права!

– Птенчик, не выводи меня из терпения. Иначе я решу, что в твоём гнездышке чересчур холодно, и добавлю тепла. Градусов на двадцать. Или посчитаю, что освещение слишком яркое, и погашу светлячков вообще. Ты меня знаешь.

Похоже, эльф знал Лолиэт очень хорошо. Он немедленно отстегнул фляжку и налил всем. Во фляжке оказался более чем пристойный бренди.

По мере опустошения фляжки эльф под страшным секретом рассказывал мне о том, что на Новом Шагоране обнаружены следы древней магической цивилизации. И о том, что вероломные гоблины тщательно скрывают их от эльфов, но от Виаллиора не скроется ничто! Особенно артефакты, которые стоят бешеных денег. Ревел он при этом так, словно хотел, чтоб секрет стал достоянием всей полой Земли.

Лолиэт и Заку было не до древних магов. Дриада уже сидела у орка на коленях и трепала ему волосы, называя шалунишкой. Зак тыкался губами в мягкую грудь, выскользнувшую из-под растянутого ворота майки, и объяснял, как сильно ему не хватало этой груди в специальной орочьей школе разведчиков при ЦРУ США. Я был уверен, что тот бессовестно врет, но разоблачать его не хотел. Женщины любят шпионов.

Я снова и снова подливал себе «зайчика».

«Надерусь до беспамятства», – думал я. Боялся, как бы прекрасная дриада не показалась чересчур соблазнительной. Настолько, что захочется забыть о собственной невесте и броситься в драку с Маггутом.

– Так ты разведчик, здоровячок! – хохотала Лолиэт. – То-то я чувствую, как чья-то рука скрытно перемещается по моей попе.

– В район секретной дислокации склада с магическими боеприпасами! – орал эльф.

– Пещеры со взрывчаткой, – тряс я отяжелевшей головой.

– Я неважно учился, – рассказывал тем временем Зак второй дриадской груди. Майка Лолиэт успела куда-то исчезнуть. – Я плохой разведчик. Но классный минер-подрывник! Знаешь, как я ловко умею ставить фугасную мину-огурец?

– Пока нет. Однако надеюсь узнать.

– Но ведь здесь нет таких мин! – горестно восклицал орк. – Здесь же не Земля!

– А мы поищем, – успокаивала его Лолиэт. – Пойдем в мою комнату. Если на этом деревце и можно обнаружить мины-огурцы, то только там.

– Тогда вперед! – объявил Зак и немедленно вскочил. – Up your fucking ass!

Лолиэт сейчас же полетела с его коленей на пол. Эльф зашелся в хохоте. Я подал дриаде руку, та поднялась и сказала орку:

– Ну, здоровячок, теперь ты одним фугасом не отделаешься.

– Оставь его в живых, девочка! – икал эльф и грозил Лолиэт пальцем. – Растяни удовольствие, а то погубишь солдата.

– Удовольствие имеет свойство растягиваться. Конечно, если это понадобится, – двусмысленно хихикала дриада.

Когда Лолиэт и Зак ушли, на столе возник второй или уже третий бурдюк с «зайчиком». Его нужно было опустошить, желательно в течение часа. Так заявил эльф, спорить с ним не было ни сил, ни желания. Да и субординация не позволяла. Кажется, мы управились быстрее. Виаллиор вновь и вновь возвращался к теме магических следов на Новом Шагоране. Выяснилось, что наличие древних замков подтверждается не только болтовней гоблинов, но и неумолимыми фактами. Именно через Виаллиора уходят отсюда бесценные артефакты, с великим риском добытые в древних развалинах.

– Выж-живает один из десяти добытчиков! Остальныедохнут, как мухи. Даж-же после смерти древние маги умеют защищать свои богатства. Да и хрен с ними! С добытчиками тоже! Баб у гоблинов много, новых нарожают! Главное, что все эти штуковины попадают к моим агентам. Те переправляют сюда, а я через корешочки мэллорна – кому следует. Однако тс-с-с!

– Тс-с-с! – соглашался я. – Шпионы повсюду. И главный – лазутчик орков Маг... Маггут. Вот ведь имечко! Хор-шо, что его увела эта нимф-манка.

– Да! Поэтому я тебе покаж-жу кое-что. Ведь ты русский, значит, не трепло! Вы, русские, не метете языком попусту. Уж я-то знаю! Бывал в Сибири и на Урале.

Повозившись с застежкой, эльф выудил из кобуры сначала жезл, который небрежно бросил на лежанку, а потом небольшой обрывок матовой полупрозрачной пленки. На мой взгляд, ничего магического в ней не было. С виду она напоминала кусок упаковочного пластика.

– Говорят, эта хреновина лечит любые раны, – сообщил эльф. – Одним махом. Я сам не проверял, но вялого побеждает только так. Меня бы без этой пленки Лолиэт еще год назад укатала. Жуткой похоти баба. Все дриады такие, кстати. Вот смотри. Щас оберну своего голубчика, и он ка-ак вскочит!

– Не надо, сир. Я верю!

– Добро, не буду. Все равно ширинка не расстегивается, зар-раза!

Потом передо мной все закачалось. Я рухнул на лежанку, которая тоже раскачивалась, раскачивалась, раскачивалась...

Глава 1

Хоть я и перенес в детстве заражение сибирской язвой, если верить орко-американцу Заку Маггуту, но гоблинские болезни подкосили-таки могучий организм русского сержанта. И месяца не прошло, как я потерял сознание прямо во время патрулирования.

Очнулся в удивительно спокойном и тихом месте. В небольшой палате я находился один. На белой стене напротив кровати висел поблекший календарь с полуобнаженной дриадой, под ним на тумбочке стоял старенький хрустальный шар. Я сообразил, что нахожусь в госпитале.

В коридоре раздались шаги, и в дверь просунулось загорелое до красноты лицо Михайлова, майора медицинской службы. Это был один из немногих российских офицеров, работавших на эльфов. Я общался с ним и раньше – к счастью, не по таким безрадостным поводам.

– Здравствуйте, – выдавил я.

– А, очнулся наш соколик, – обрадовался врач. Он почему-то считал необходимым разговаривать, как доктор из старых русских фильмов, и «соколики» с «батеньками» лились из него бесконечным потоком. – Ну, как мы себя чувствуем? Что болит?

Михайлов, на плечи которого был накинут идеально белый халат, приблизился к моей койке и присел на край. Я прислушался к своим ощущениям.

– Да вроде ничего...

Майор улыбнулся.

– Ну и замечательно.

– Давно я здесь?

– Пятый день, как привезли. Тебе повезло – болезнь оказалась несерьезной. Так, пустячок. Гнойный герпес заднего прохода.

Гнойный герпес заднего прохода! Страх-то какой! Я быстро напряг ягодичи, но боли не почувствовал.

– Да ты не пугайся, – успокаивающим тоном сказал Михайлов. – Здесь половина населения с ним живет. Мы тебя сначала вылечили, потом привили от всех местных зараз, а потом на эльфийских транквилизаторах держали, чтобы снять болевые ощущения. Без транков ты бы раньше в сознание пришел.

Дверь снова скрипнула, и возникла медсестра Геля с подносом. На нем стояли стакан чая и блюдо с горкой сахарных плюшек.

– Для нашего героя все самое горячее и свежее.

Геле недавно исполнилось тридцать. В человеческом мире ее ждал муж, крепко ушибленный идеей повышения рождаемости, и пятеро детей. Скорее всего, она скрывалась на Новом Шагоране от очередной беременности. Впрочем, скромницей Геля не слыла, однако была помешана на безопасном сексе. На стопроцентно безопасном. За глаза ее звали Гелька Три Резинки. Среди наемников о ней ходили легенды.

– Ну уж и герой... – смутился я и помимо воли снова напряг ягодичи.

– Ладно, ты подкрепись, полезно, – строго заметил Михайлов. – Скоро выпишем, а пока спи, ешь, смотри магический шар и газеты читай. Вот, есть всего лишь двухмесячной давности «Московский комсомолец». Или тебе местную прессу притащить? Только она вся на эльфийском.

– А посетителей можно?

– Не до тебя сейчас, соколик, – помрачнел майор. – Племена таха рвутся в город. Дежурства постоянные... Так что не обижайся, если никто тебя не навестит.

* * *

Выписывать меня не спешили. Доктору что-то не понравилось в моих зрачках – по его словам, последствия комплексной прививки еще давали себя знать. Я уже готов был спятить от тоски, когда в палату подселили еще одного страдальца. Это был вертлявый субъект неопределенных возраста, национальности и рода занятий. Не кадровый военный точно. Звали его Алекс, по-русски, по-английски и по-эльфийски он разговаривал одинаково свободно, лишь с каким-то пришепетывающим акцентом.

В больничку Алекс загремел со «сложной формой биологического ожога». Проще говоря, умудрился влезть в ядовитые кустарники. Вследствие этого рожа у него напоминала комок заплесневелого теста с тремя ямками. Две узенькие – глаза, одна пошире – рот. От носа виднелся только облезлый кончик. Руки походили на пару батонов колбасы – их сплошь покрывала розоватая противоожоговая масса в тугой пленке. Тело и ноги практически не пострадали, защитил плотный комбинезон и крепкие ботинки.

Алекс оказался общительным парнем. Даже чересчур. Все время, которое не проводил в гнезде регенерации (отличное эльфийское изобретение), он болтал. С азартом и о чем попало. О политике и музыке, о девушках и рыбалке, о карточных играх и катании на лыжах. Об оружии, о клонированных эльфами динозаврах, о гомункулусах и сексе гомункулусов с динозаврами и оружием. Причем перескакивал с одной темы на другую легко, будто блоха – с собаки на собаку.

Слушать его было интересно, но дольше двух часов подряд утомительно. К счастью, днем процедуры по приведению Алекса в человеческий вид повторялись часто, а вечером я успевал заснуть под негромкий говор товарища по несчастью.

О причинах, по которым его занесло в ядовитые заросли, Алекс стойко молчал, но однажды разговорился-таки. Подозреваю, что ему в тот день вкатили чрезмерную дозу обезболивающего.

Оказывается, Алекс участвовал в экспедиции, искавшей в джунглях следы древней цивилизации магов. Слухи о том, что еще во время первой волны колонизации в окрестностях нынешнего Ксакбурра видели развалины черного замка, ходили давно. Правда, фактов, свидетельствующих о правдивости рассказов, не было. А очевидцы, если и имелись, давно умерли. Да и вообще, лезть в джунгли, наполненные хищниками, змеями и одичавшими гоблинскими племенами, желающих не находилось. Но в последний год то там, то сям начали всплывать странные вещицы, изготовленные точно не человеческими, не эльфийскими и не гремлинскими руками. Исчезали они так же быстро и таинственно, как появлялись. Скорей всего, контрабандным путем утекали за пределы Нового Шагорана.

Экспедицию, в которой участвовал Алекс, организовал какой-то влиятельный эльф. Состояла она наполовину из чародеев, наполовину из орков-наемников. Плюс двое проводников-гоблинов, один из клана таха, другой – из киафу. Вообще-то таха и киафу смертельно враждовали, но ради обещанного золота проводники были готовы забыть о вражде и любить друг друга, как единокровные братья. Алекс состоял при экспедиции поваром.

Больше месяца группа бродила по джунглям, не находя даже малейших следов древних магов, зато навлекая множество приключений на свои бедовые головы. Проводники начали ссориться. Наемники укоряли колдунов в неприспособленности к странствиям, те наемников – в полной бесполезности и адской прожорливости. Все вместе проклинали климат, вонючую воду и насекомых. Начальник экспедиции, видя, что дело идет к бунту, приказал поворачивать домой.

Тут-то они и наткнулись на искомое. По чистой случайности – буквально уперлись носом в искореженные, покрытые чешуйками лилового нагара металлические и каменные

конструкции. Растительность так плотно затянула развалины замка, что можно было пройти в десяти метрах от него и ничего не увидеть. Да и вблизи форма и даже точные размеры строения оставались загадкой. Было лишь ясно, что оно перенесло страшный пожар, что оно огромно и частично погружено в почву.

Колдуны воспрянули духом, наемники вновь заговорили о яхтах, которые купят на заработанные деньги, и женщинах, которых приманят теми же деньгами. И только проводники выказали единодушную суеверность. Из их трусливого лепета можно было понять, что кто-то ужасный обязательно накажет всех прикоснувшихся к «старинному железу». Разумеется, эту чушь никто слушать не стал, а чтобы гоблины не сбежали, их привязали прочными веревками к толстой пальме.

То, что предупреждение проводников – чистая правда, выяснилось уже к вечеру. В сумерках от развалин вдруг отделились не то механизмы, не то организмы – будто кишечно-полостные отпочковались. Отделились и стремительно двинулись к людям. Были они, пожалуй, человекообразными – это единственное, что успел рассмотреть Алекс.

Первыми жертвами порождений замка стали проводники. Они в мгновение ока были разорваны на клочки. Затем пришел черед наемников, которые отважно открыли по монстрам огонь. Но жутких созданий не брали ни высокотемпературные плевки магических жезлов, ни пули запрещенных на Новом Шагоране автоматов. Дальнейшее осталось для Алекса тайной. Он так припустил сквозь джунгли, что ветер в ушах засвистел. Хотя, возможно, это были выстрелы древнего оружия, посланные ему вслед.

Он бежал всю ночь и остановился, только влетев в непроницаемое переплетение скользких ветвей и листьев. Это оказались ядовитые кустарники. С трудом, преодолевая дикую боль, Алекс выбрался из едкой западни и потерял сознание. Очнулся в лодке. Его подобрала гоблина таха из племени Потрясающего Пальмы, когда он полз по берегу Касаши, завывая, будто рожающая самка гиппопотама. Потом Алекса много раз передавали с рук на руки, шумно торгуясь. Кажется, собирались за него выручить приличные деньги у «остроухих обезьян» из Ксакбурра. Так оно, в общем, и получилось – в эльфийской миссии последние владельцы бедолаги получили за него десятка два полновесных золотых кордоб.

Больше ни один участник экспедиции из джунглей не вышел. Сам Алекс намеревался, подлечившись, убраться с Нового Шагорана куда подальше. Аванса ему должно было хватить на пару-тройку лет безбедной жизни, а вот показываться на глаза эльфу, организовавшему экспедицию, он не собирался. Боялся, что тот снова отправит его на поиски проклятого замка. Уже в роли проводника. То есть на верную смерть.

Когда я на другой день попытался расспросить Алекса об экспедиции еще раз, тот взглянул на меня, как на умалишенного.

– Но ты же сам вчера говорил, что влез в ядовитые кусты, спасаясь от охранников магического замка, – напирал я.

– Обалдеть! Это я такое сказал?

– Ну да.

– Не бери в голову. Я вчера Гельку Три Резинки в процедурной поймел. Хорошо так, с чувством. Она на радостях мне два укола морфина вместо одного засандалила, вот я и нес всякий бред.

– А где же ты тогда обжег лицо и руки?

– Где-где... Жил я с одной местной девочкой. Долго. Ну, она и решила, что можно о свадьбе поговорить. Я, естественно, сразу с ней распрощался. На фиг мне жена-гоблинша, правильно? А она злопамятная оказалась! Купила у какого-то местного колдуна банку с соком ядовитой лианы и выплеснула на меня. Так-то, брат. Мой тебе совет, не путайся с местными бабами. Дикие твари...

* * *

Когда мне позволили наконец-то покинуть лечебницу, я бросился прочь едва не бегом – жутко хотелось повидаться с друзьями и даже командирами. Записи эльфийских концертов, демонстрирующиеся по хрустальному шару, успели так надоесть, что вызывали тошноту. Болтовня Алекса приелась. И даже Геля Три Резинки, которая водила меня в процедурную не только с медицинскими целями, порядком прискучила. Бесконечные рассказы медсестры о пятерых детях утомляли сильнее жары – здесь, в государстве Даггош, климат отличался знойностью.

У высокой ограды госпиталя я заметил эльфийскую транспортную черепаху с открытым панцирем. Это было огромное создание размером с земной джип. В полости под ее высоким панцирем могли разместиться шестеро бойцов. Гоблинские стрелы роговую броню не брали, да и магия жезлов сильно ослаблялась толстой оболочкой. Передвигались такие черепахи довольно шустро. Тяжелобронированные, с закрытым панцирем, развивали около двадцати километров в час, а легкобронированные – и того больше. Управлялись они рычагами, вживленными прямо в мозг рептилии. Эльфы наловчились выращивать таких тварей лет сто назад. К сожалению, на Новый Шагоран поставлялись только устаревшие разновидности, тихоходные и не очень комфортабельные.

На месте погонщика внутри овального панцирного «корыта», открытого спереди и сверху, сидел Игорь Сидоров. Один из двух братьев-близнецов, с которыми я сдружился больше, чем с другими солдатами. Увидев меня, Игореха сочувственно улыбнулся и посигналил в клаксон, стараясь придать встрече бодрый характер. Я молча перемахнул через роговой бортик, приземлился на сиденье рядом с Сидоровым, и черепаха выползла на улицу.

– Не думали, что ты так скоро, – сказал Игорь.

– Михайлов еще раньше обещал выпустить. Но потом передвинул срок. А что не навестили?

– Извини, брат, дела неважные... Аборигены за власть борются, только набедренные повязки заворачиваются. Мы все время в нарядах, продохнуть не успеваем. Командир запретил тратить время на прогулки и прочее. Спим, патрулируем северную окраину и жрем двойной паек. За КПП по одному вообще не выпускают.

– А как ты сюда сумел выбраться?

– Я же на фирменной черепахе эльфийской гуманитарной миссии. Видишь, на панцире знаки Совета? Гоблины эльфов не трогают. Понимают, что, даже если сменится власть, придется сотрудничать...

Было уже одиннадцать. Солнце, которому вроде бы неоткуда взяться внутри Земли, успело подняться к зениту. Пропыленные улицы опустели, даже привычные к местному климату даггошцы поспешили убраться под крыши – те, у кого они были, конечно. Остальные жались в тених тощих пальм, открыв рты, и провожали черепаху, украшенную изображениями мэллорнов и единорогов, пустыми и одновременно внимательными глазами. Большинство из них – представители клана таха, чуждого верховному правителю Даггоша. А значит, не могут рассчитывать в столице Даггоша, в Ксакбурре, ни на приличную работу, ни на жилье. Это позволено только соплеменникам правителя из клана киафу.

Как утверждали даггошские политики, большинство бездомных – шпионы, поставщики информации для боевиков из восточных районов Даггоша. Правительственные войска порой проводят фильтрации, выдворяя нищих из Ксакбурра, но ненадолго. Скоро те, как плесень в сыром подвале, опять выползают на улицы города.

Ближе к окраинам стали попадаться патрули «небесных повязок», большей частью на закрытых бронечерепахах. Из бойниц, пропиленных в панцирях, торчали концы боевых жезлов.

Игорь свернул нашу черепаху на узкую окраинную улочку, заваленную по обочинам мусором, и вскоре проехал через тяжелые ворота. Солдат на КПП приветственно махнул нам рукой и поправил на плече магический посох широкого радиуса поражения.

Глава 2

– Ну и жара! – выдохнул Стас Сидоров, входя в самую прохладную комнату блокпоста.

– Знал, что ты это скажешь, – усмехнулся я.

Я да братья Стас и Игорь Сидоровы – вот и все русские солдаты в эльфийских войсках. Понятно, что мы старались держаться вместе. Офицеры, в основном орки и полуорки, этому не препятствовали.

Стас утер мокрое лицо пропыленным рукавом и двумя глотками выпил ковшик теплой воды. Затем плюхнулся на продавленную кровать и принялся сдирать ботинки. Духоту тут же дополнил богатый запах солдатских носков.

– Вперед, сержант, твой черед настал.

Мне жутко не хотелось под жаркое солнце Нового Шагорана. Я протер лицо влажной тряпкой, сдирая остатки дремоты. Подхватил боевой жезл и выбрался на глиняную крышу блокпоста. По всем правилам требовалось вдобавок активировать амулет магического Щита, но я пренебрег уставом. Тело внутри защитного кокона очень быстро нагревается, получается паровой котел в миниатюре. Быть сваренным заживо мне хотелось меньше всего. Да и защищает заклинание только от магических атак, а у гоблинов в основном копья да духовые трубки.

Что за дерьмо это дневное дежурство! Жара такая, что даже мухи прячутся. Но вечером еще хуже. Температура почти не снижается, а из джунглей прилетает гнус. Если насекомым помогает южный ветер, собираются целые тучи гнуса. Зато ночью – одно удовольствие. Крылатые кровососы куда-то пропадают, лишь цикады трещат в траве да ревут вдалеке звери.

Хлопот тоже минимум. Посмотрел в кристалл ночного видения, полюбовался пустой саванной да зелеными контурами мелких грызунов – и думай себе о вечном. Или с напарником разговаривай, если остались еще темы для обсуждения.

И все же в столице повеселее будет. Там хоть и приходится патрулировать улицы в любую погоду – даже когда и собака предпочтет скорее сдохнуть на месте, чем высунуть нос из укрытия, но если не твое дежурство – раздолье. Можно купаться, гонять мячик, можно в хрустальный шар пялиться. А можно к америкосам наведаться. Обменяться беззлобными шутками, порножурналами, а то и продуктами. Янки, правда, жлобствуют, сволочи. Они почти все полуорки и, как часть Старшего Народа, имеют кучу преимуществ. Разъезжают на бронечерепахах с кондиционированием, прямо на раздолбанные тротуары бросают склянки из-под ледяного пунша. Впрочем, нельзя сказать, что они законченные жлобы. Иногда делятся с русскими парнями холодным дринком. Особенно Зак Маггут, в чьей компании я так славно побезобразничал на мэллоре.

Дорога, которую охраняло наше подразделение, лежала в некотором отдалении от основной магистрали, ведущей в столицу страны. Дорога была ужасающе пыльной и ухабистой, поэтому ездили по ней редко. И уж практически никогда – днем.

Тем сильнее было мое удивление, когда я заметил в отдалении движущееся облачко пыли. Если это не сумасшедший слон или взбесившийся носорог, то повозка. Хотя крупное даггошское зверье тоже предпочитает передвигаться по дорогам, а не по пересеченной местности.

Я без большого усердия осмотрел окрестности в бинокль, прибывший сюда явно с российских армейских складов. Везде было спокойно. Я вновь навел окуляры на подозрительное облачко, постоянно подкручивая резкость. Наконец в просвете между пальмами промелькнул желтый блестящий бок, и тут же – весь корпус массивной закрытой повозки, собранной из костей морского левиафана. Их обваренные трупы часто выбрасывает на берег волнами Проклятого океана. Прибрежные гоблины свежуют морских гигантов. Мясо,

ворвань и требуху сжирают, а крепкие кости и вываренную кожу поставляют в глубь материка.

Повозка, влекомая парой низкорослых гоблинских быков, неслась на удивление резво. Неужели на таран идут?

– Стас! – гаркнул я.

Сидоров не отзывался, и я метнулся вниз. Солдат, конечно, спал и ничего не слышал.

– Вставай! – тряхнул я его за плечо. – Гости пожаловали.

– А?.. Игоря позови...

Тот дрых в оружейной комнатухе, чему был свидетельством зычный храп.

– Вставай, герпес ты гнойный! – рассвирепел я. – Игорь после ночного, пусть повалится. Ну, живо! Прикроешь из окна, понял?

Стас нехотя поднялся и напялил ботинки.

– Ты чего психуешь, сержант? Танки там, что ли?

– Повозка. Из костей левиафана.

– Да мало ли таких повозок!

– Предчувствие у меня, – сообщил я. – Нехорошее, понял?

– Иди к хренам со своими предчувствиями, – пробурчал Сидоров, но жезл подхватил и прошел за мной в каземат. Там находилась единственная бойница блокпоста, которая выходила на дорогу. Впрочем, бойницей это отверстие можно было назвать лишь с натяжкой – слишком велико.

Отдернув противомосkitную сетку, солдат выставил наружу увенчанный рубином конец жезла и встал одним коленом на мешок.

– Фокус сделай поуже, а то меня зацепишь, – сказал я и вышел к полосатому шесту шлагбаума.

Повозка, нещадно пыля и подсакивая на колдобинах, вывернула из-за пальмовой рощицы, въехала колесом на кочку в придорожной траве и остановилась перед самой преградой. Когда пыль немного рассеялась, проявились силуэты смирно стоящих быков, а рядом – фигура на редкость высокого костлявого гоблина. В остальном внешность у него была типичная. Удлиненный череп, горбоносое лицо с широким ртом и выдающимися челюстями. Темная, почти коричневая кожа с морщинами и пучками зеленовато-бурой шерсти в самых неожиданных местах. Если бы не волосатые уши наподобие ослиных, то, повстречав его на Земле, можно было принять за австралийского аборигена. Или индейца из какого-нибудь полудикого племени, затерянного в джунглях Амазонии. Гоблин был бос, в шортах с множеством отвисших карманов и в потной майке. На затылок он напялил широкую шляпу грязно-белого цвета.

– Привет, командир, – радостно оскалился абориген и вытащил из кармана пучок каких-то свитков. Его эльфийский был так плох, что я с трудом разбирал сказанное. – Пусти в город по делу.

– Что везешь?

– Сестра рожать собралась, друг. – Гоблин просиял еще сильнее. – Вот, помогаю донести Зийлу в больницу. Непокойно сейчас на дорогах, точно? Если что, помогу бабе от бандитов отбиться.

– И чем отбиваться будешь? Оружие имеется?

– Нет, что ты, командир! Кулаками...

– Боксер... – пробурчал я. – Повозка чья?

– Так общая. Одна на всю деревню!

– Кто это с вожжами?

– Так муж ее. Ну, поднимай палку скорее. А то родит еще!

Он громко хохотнул, махнув рукой гоблину на облучке – мол, сейчас тронемся дальше, все в порядке. Я взял пачку сальных свитков и развернул первый, кося одновременно и в бумаги, и на физиономию гоблина. Паспорта, конечно, были донельзя истерты, но на первый взгляд выглядели как настоящие.

– Где запись о регистрации брака?

– А зачем? – обиделся гоблин. – У нас в деревне просто. Зачем нам записи, если без них все понятно?

– Надо досмотреть повозку, – сказал я, вернул документы и крикнул кучеру: – Эй, слезай!

Тот неохотно покинул свое место. Комплекцией второй гоблин не уступал родственнику, одет был так же легко, только на ногах красовались разношенные сандалии. Он что-то яростно жевал, губы были вымазаны в травяном соке.

– Ну, смотри, только не тяни, – поскущел первый гоблин.

– Стойте тут, – приказал я и обошел повозку, чтобы проверить завешанные грязной парусиной внутренности.

Сначала открыл багажный ящик. Там валялись пустые горшки и какое-то вонючее тряпье. Я поворошил его жезлом – касаться руками было неприятно. Кто знает, какие микробы кишат в этой грязи? Не говоря о насекомых. Боевых посохов, арбалетов или земного оружия под тряпьем не обнаружилось. Я опустил крышку ящика и поднял полог. В нос ударил затхлый дух немытой кожи и какой-то плесени. Да, внутри было еще хуже, чем снаружи, – парусина во многих местах порвалась, явив желтизну левиафаньих костей.

На лохматой шкуре лежала довольно молодая гоблинша, причем на удивление симпатичная, с голой грудью и ногами, подтянутыми к животу. Правда, я не заметил, чтобы ее молочные железы готовились стать «фабриками» питательного напитка, но, с другой стороны, много ли мне встречалось беременных гоблинш? Вздутый живот был прикрыт куском плотной ткани. Внезапно гоблинша застонала и проговорила что-то невнятное на своем диком наречии, и близко не похожем на эльфийский. Кажется, она ругалась – черные глаза гневно блестели.

– Эй, командир, хватит смотреть, пропускай скорее! – заволновался гоблин с документами. – Не видишь, Зийле совсем плохо?

Я покосился на него и взмахнул жезлом.

– Придется поднять пол в повозке, – сказал я. – Там у вас какая-то пустота.

– Какой ты недоверчивый, – запричитал гоблин и двинулся ко мне, размахивая руками. – Как же мы сестру вытаскивать будем? А если родит? Никакой гигиены! Кто примет роды?

– Давай-давай, – отступая к обочине, настаивал я. – Меньше болтай, скорее освободишься.

Оба родственника подошли к повозке, один полез внутрь, чтобы помочь женщине выбраться. Внезапно что-то холодно блеснуло под боком у первого гоблина. Едва видимый блеск боевого рубина подействовал на меня, как рывок ошейника на собаку.

Я резко бросился в сторону, все еще не решаясь задействовать свой жезл. Едва я успел залечь за колесом, как хлестнула молния разряда. Рядом с левым ботинком в пыли возникла черная клякса, будто выплеснули стакан чернил, – след от магического разряда средней мощности. Я прижал жезл к дороге и полоснул коротким импульсом по тому месту, где должны были находиться ноги нападавших. Кто-то взвизгнул, и тотчас из окна блокпоста угрожающе захрюкал парализующий жезл Сидорова. Тормозной Стас наконец-то сообразил, что к чему.

Приняв львиную долю импульса, корпус повозки противно заскрипел, парусина с треском лопнула. Я буквально вжался в колесо. Попасть под выстрел парализующего жезла –

радости мало. Умереть не умрешь, но часа два без сознания проваляешься. А с противоположной стороны в любой момент мог прилететь разряд от гоблинов.

Скрючившись, я чуть не на коленях бросился в сторону блокпоста.

За спиной раздался громкий возглас и щелчок бича. Взревели быки, хрустнул переломленный шлагбаум, загрохотали по дороге колеса.

Я обернулся. Повозка, почти невидимая в клубах пыли, быстро удалялась.

– Стой! – заорал я, вскинул жезл и пальнул вдогонку.

Из повозки что-то вывалилось. Подбежав к предмету, я увидел, что это – багажный ящик, который недавно осматривал. Крышка у ящика оторвалась, и все его неприглядное содержимое рассыпалось на дороге. Я пнул ногой корявый горшок и выругался.

* * *

В дежурке я доложил о прибытии и замер перед мрачным особистом. Тот, не глядя на меня, постучал по столу эбонитовым стилем. Затем кивнул на стул.

– Пиши рапорт, Стволлов. Подробный. Очень подробный.

Я промучился до полудня, исписал три листа бумаги, перечитал. Вроде все правильно. Недаром потрудились, аж пальцы сводило.

– Гуляй, до двух часов свободен, – сказал особист, забирая рапорт. – Потом к командиру. Без пяти два я стоял у двери командира. Помялся с минуту и постучал.

Командир, полковник Ротгор Назуз, чистокровный орк, был в кабинете не один. Рядом с ним сидел офицер в форме американского подразделения. Тоже полковник. И тоже орк.

Гость имел весьма грозный вид, но особенно поразила меня его шевелюра, завязанная на макушке пучком. Снисходительно поглядев на меня и что-то сказав по-своему, полковник протянул мне пачку «Winston».

– Спасибо, – пробормотал я и отрицательно покачал головой.

– Ты садись, садись, – пробасил Ротгор Назуз, и я неловко пристроился на край хрупкого эльфийского креслица, не решаясь втиснуться между подлокотниками, чтобы не сломать их. – Познакомься с полковником Огбадом из штаба группировки. Ветеран миротворческих сил, вроде меня.

Я скованно кивнул.

– Перед нами поставлена задача, – продолжал командир. – Важная и секретная. Мы посоветовались и решили определить тебя в команду из трех бойцов. У тебя серьезный боевой опыт. Оружие владеешь в совершенстве... Кроме того, и это, не скрою, главное, – ты окончил диверсионную школу ГРУ. Правильно?

Я неохотно кивнул. Про обучение диверсионному делу во время армейской службы на Земле я врал легко и часто. Чтоб больше уважали. Сейчас это обернулось боком. Но отпираться было бесполезно, орки не поверят.

– В общем, подходишь по всем параметрам, – завершил Ротгор Назуз.

– Для чего подхожу? – кашлянув, спросил я.

– А вот это нам сейчас коллега расскажет.

Он встал, и вслед за ним поднялся и полковник Огбад, все это время попыхивавший сигаретой. Вслед за ними я подошел к стене, на которой висела крупномасштабная карта Даггоша.

– Операция разработана штабом группировки и носит, повторяю, самый секретный характер, – сказал Ротгор Назуз. – Отказ от участия не принимается. Особенно от тебя. Промисшествие на блокпосте целиком на твоей совести, как бы ты ни оправдывался в рапорте. Так что слушай и запоминай.

Орк вынул из кармашка дорогое эльфийское стило и стал медленно, простыми словами объяснять задачу. Я внимательно слушал, отодвинув подальше недоверие и сомнение в своих силах. Последнее отодвигалось очень неохотно.

Дела обстояли так. Трем опытным военным из состава группировки предстояло совершить рейд к восточным районам Даггоша, где окопались вожди гоблинского клана таха. По данным разведки, те оборудовали несколько оружейных складов в джунглях и набирают по деревням армию, чтобы в удобный момент выступить на Ксакбурр и свергнуть законного правителя. Диверсионная группа должна будет высадиться неподалеку от городка Кас и покончить с главным подстрекателем волнений. Это гарантированно обезглавит восстание.

– Но оно и так не имеет смысла! – не выдержал я. – Правительственные войска все равно подавят его.

– Вот как раз этого мы бы хотели избежать, – сказал полковник Огбад. – Такие действия слишком накалят обстановку в стране. Того и гляди гражданская война начнется. Провести армейскую операцию на территории чужой страны мы не можем без прямого указания эльфийского Совета. Мы же миротворцы. И еще не факт, что оно будет принято. Значит, остается диверсия, о которой Совет попросту не узнает. Или сделает вид, что не знал.

– У нас в части, кроме тебя, никто не проходил специальную подготовку, – влез с репликой Ротгор Назуз.

– Я был не самым лучшим на курсах, – несмело возразил я. – Примерно вторым с конца по успеваемости.

– Неважно. Главное – ты знаешь, как незаметно прикончить врага...

– Сир, но я ведь человек! А там одни гоблины. О какой незаметности вы говорите?

– Ты, Стволов, не умничай. Человек он! Я тебя не заставляю к этому бунтовщику в адъютанты устраиваться. Скрытно подведешь группу, определишь цель, скомандуешь снайперу «огонь». Так же скрытно отойдете. Все дела.

– Почему бы не выписать с Земли профессиональных диверсантов? – продолжал я гнуть свое. Ломиться очертя голову в джунгли и гоняться за каким-то влиятельным гоблином мне очень не хотелось. – Или эльфийских следопытов пригласить. Они в лесах как дома.

– Что ты упираешься? – начал свирепеть полковник. – Бюджет у нас не резиновый, чтоб для усмирения каждого бандита супердиверсантов выписывать. В общем, хватит болтовни. Пойдешь командиром группы, и точка! Возражения есть?

Мне не осталось ничего другого, как молодцевато гаркнуть:

– Никак нет, сэр!

– То-то же. Продолжай, Огбад.

– Вожди таха имеются в каждом селении на востоке Даггоша, но это все мелкота. Главный и самый опасный всего один. Некто Черный Шаман. Он окопался в Касе. – Полковник Огбад ткнул в точку на карте. – Остальные – племенные князьки, чья власть кончается на границе их поселка. Многие из них втайне осуждают Черного Шамана, но открыто противодействовать не решаются. Иначе он их тут же раздавит, как жуков. План операции такой...

* * *

От командира я вышел с гудящей головой. В ней роились десятки даггошских названий, об которые можно было сломать не только язык, но и мозги.

Потом я подбирал на складе экипировку и вооружение.

– На войну, что ли, собрался? – хмыкнул каптерщик.

– Мы и так на войне, – буркнул я. – Давай проверим, что тут у тебя есть.

От защитных амулетов было решено отказаться, они диверсантам ни к чему. Комбинезон с множеством кармашков я подобрал сразу, сложнее пришлось с боеприпасами. Полков-

ники Назуз и Огбад решительно запретили брать тяжелое магическое оружие. Только легкие жезлы. «Не хватало еще, чтобы мощный посох попал в руки мятежников! Представляешь, что они могут натворить?»

Вот и приходилось брать сменные полуторадюймовые кристаллы для стандартного жезла. Я нагреб их с запасом, хоть и чувствовал заранее, как они будут оттягивать плечи.

«С другой стороны, зачем диверсанту посох экстремального разряда? – думал я, отсчитывая заряженные смертоносной магией рубины. – Мы же не собираемся, как фашисты, выкашивать целые деревни, заливая их потоками молний? Впрочем, в Даггоше номер с уничтожением деревень все равно не пройдет. Живо прикончат отравленной стрелой, пущенной из чащи. Или на копье насадят, если в ближнем бою. Гоблины не боятся человека с ружьем».

Зато теперь у меня есть десяток файерболов для подствольного метателя, три десятка кристаллов по полтора дюйма для боевого жезла, два десятка кристаллов к поясному жезлу, нож-пила. А также спички, фонарик, репеллент и упаковка обеззараживателя воды.

Интересно, что еще нужно в таком походе?

Глава 3

Мы встретились на рассвете, на планерной площадке группировки. Площадка была скрыта высоченным забором, чтоб не мог сунуть нос ни один местный. Из приземистого ангара, адски фыркая, выползала тягловая черепаха, транспортирующая потрепанный планер с намалеванным на борту даггошским флагом. Форма планера копировала гигантского птеродактиля, которых здесь почему-то называли драконами.

К планеру уже шли два человека в такой же, как у меня, экипировке без знаков различия. Двое из нашей тройки напоминали земных солдат только белым цветом кожи – никаких опознавательных знаков на форме не было. Третьим был черно-желтый полуорк.

– Ну, с богом, сержант, – сказал полковник Назуз, слегка обнимая меня и хлопая по плечу. – Вернешься – к ордену представлю, – добавил он, но я не оценил шутки. – А не вернешься, так уж наверняка.

– Вернусь, будьте спокойны, – пообещал я и двинулся к допотопному летающему монстру.

Мысли в голове бродили не самые радостные. По-моему, отправлять диверсионную группу в планере, который сперва должен разбомбить оружейные склады мятежников, – верх бестолковости. Диверсантам нужна скрытность, а бомбардировщик наведет шороху – мама, не горюй! С другой стороны, так же могут думать военные аналитики Черного Шамана. Стало быть, им и в голову не придет, что бомбардировщик вдобавок доставил отряд беспощадных ночных убийц.

Нет, все равно ерунда! А для чего взяты бойцы из разных подразделений? Какая может быть у нас боевая слаженность? Н-да, похоже, дела и впрямь идут отвратительно, раз командование «небесных повязок» устраивает авантюры, больше похожие на клоунаду, чем на боевую операцию. Или все еще хуже и дебилизм задания объясняется тем, что у военного руководства от жары мозги превратились в кисель.

С другими диверсантами я встретился уже на борту планера, замаскированного под аппарат Правительственных войск Даггоша. Ни цветом, ни опознавательными знаками «птеродактиль» не отличался от тех развалюх, что до сих пор эксплуатировались гоблинской армией.

– Федор! – весело вскричал черно-желтый боец, и только тут я понял, что передо мной Зак Маггут собственной персоной. Орк задорно скалился. – Извини, кока-колы не захватил.

– Ничего, – улыбнулся я. – В ручье пойло не хуже. У меня и таблетки есть.

Вторым напарником оказался рослый и загорелый, как все тут, француз по имени Люсьен. Это и был снайпер. Впрочем, вид он имел настолько добродушный, что казалось, надень он рясу – и готов кюре в каком-нибудь деревенском приходе. Судя по чертам лица и форме черепа, среди предков Люсьена встречались представители Старшего Народа, но какого именно – понять было сложно.

Планер установили на стапеля разгонной катапульты. В кабину забрался беспрерывно кривляющийся и хихикающий пилот-гремлин. Еще несколько гремлинов, визгливо переругиваясь, прилаживали под крылья разгонные ракеты, а к фюзеляжу горшки с горючим составом для бомбардировки.

Солнце уже показалось над джунглями, и чувствовалось, что сегодня оно будет таким же свирепым, как всегда. Ну да ничего, на высоте все равно прохладно.

– Понеслась! – крикнул гремлин и дернул стартовый рычаг. Планер рванулся вперед так, что у меня зубы клацнули.

Плавное развернувшись на высоте в десяток метров, планер заскользил к реке. Лететь предстояло над нею. Внизу мелькнули задранные лица военных, некоторые из служивых махали вслед планеру. Гремлины-механики скакали как сумасшедшие.

Но я уже сосредоточился на проносящемся внизу пейзаже. Промелькнули последние нищие халупы, и планер вырвался на простор. Ширина реки тут метров тридцать, заросли подступали к ней сплошной стеной. Кое-где были заметны делянки земледельцев, но вот и они остались позади.

Через десять минут пилот врубил первую пару разгонных ракет. Раздался жуткий вой, планер начал набирать скорость и высоту. За ним протянулся длинный след воды, взбаламученной вихрем раскаленного воздуха. Прибрежные заросли гнулись и мотались. Слева по борту мелькнуло место слияния рек Касуку и Ломами, а между ними, на остром мысе, – город Дхем. Я не сомневался, что любой его житель смог бы разглядеть на боку планера правительственный знак. Наверняка сейчас кроют на все лады «сволочных киафу»!

Через пять минут гремлины сбросил выгоревшие ракеты и развернул планер к высокому берегу, поросшему кустами. Поднял машину еще выше. За косогором начинались заросли погуще, там-то и находился вход в пещеру, оборудованную мятежниками под склад боеприпасов. Хитрые гоблины пытались спрятать входной проем за скальным обломком, но для пылающего масла, способного проникнуть в любую щель, это не препятствие.

Когда гремлины сбросил горшки с горячим маслом, корпус машины вздрогнул, потом донеслись едва слышные за ревом мотора хлопки разрывов. Полыхнул ослепительный огонь.

Пилот тотчас кинул планер обратно к реке, стремясь снизить и отлететь подальше. За спиной рвануло так, что аппарат клюнул носом, чуть не врезавшись в воду, но гремлин удалось выровнять его. Поверхность воды зарыбила от обломков, валящихся с неба.

Только что я до побеления суставов цеплялся за поручень, но теперь расслабился и вытер внезапно вспотевший лоб.

– Un-fucking-believable! – перекрывая гул моторов, вскричал Зак и поднял большой палец. Они с Люсьеном обменялись хлопком ладонями. Как будто утку, блин, на охоте подстрелили, а не взорвали склад с боеприпасами. Хорошо еще, если разведка не ошиблась и мы действительно разгромили военный объект мятежных гоблинов. А если это мирный склад с квашеным салом гиппопотамов?

Я обратил внимание, что Зак глядит на француза с удивлением и незаметно потирает отшибленную ладонь. Заметив мой взгляд, орк уважительно покачал головой. Рука у Люсьена оказалась на редкость тяжелой.

Планер тем временем повернул на северо-восток. Пилот запалил вторую пару ракет. В сорока километрах от разгромленной пещеры находился следующий намеченный к уничтожению объект. Если дело пойдет так же быстро и успешно, за час-два можно управиться со всеми, а затем и приступить ко второй фазе операции.

Прибрежные джунгли поредели, местами появились проплешины саванны с пасущимися на ней стадами копытных. Заслышав вой разгонных ракет, животные срывались с места и мчались куда попало, уходя с дороги «птеродактиля». Гремлина страх бедных животных веселил до судорог. Он едва ли не плясал в своем кресле, однако, на наше счастье, штурвал не выпускал.

Мелькнув в поле зрения поселян – чтоб запомнили дезинформирующий бортовой знак, – планер зашел на второй объект, и ситуация повторилась. За исключением того, что метать горшки пришлось в центр довольно густого леса. Взрывная волна настигла планер, когда он рвался вверх и в сторону от эпицентра. Но пилот был настоящим асом и за секунды выправил крен.

Впереди оставался самый удаленный от столицы склад оружия.

* * *

Там-то и ожидал нас сюрприз. Не успели мы совершить показательный пролет в пределах видимости поселка из ближайшей деревни, как из зарослей ударили молнии ручного жезла. Парусиновая обшивка на небольшом участке обуглилась, один из иллюминаторов покрылся тонкой сетью трещин.

Гремлин визгливо выругался и попытался добавить высоту, чтоб уйти от опасных кустов. Но разгонные ракеты уже догорали, и планер почти не ускорил ход.

С земли скользнула толстая дымная спираль, оканчивающаяся пылающим глазом файерболо. В следующую секунду планер содрогнулся от тяжелого удара. «Птеродактиль» клюнул носом и стал заваливаться набок. Я вцепился в поручень обеими руками и сквозь иллюминатор увидел новую вспышку.

Тут же в корпус уходящего аппарата ударил второй огненный снаряд, заставив планер рыскнуть. Точно гигант напал могучим пинком. Пилот не сдавался, тянул и тянул планер все дальше. Пахло удушливым дымом – парусина на крыльях, хоть и была пропитана препятствующим возгоранию составом, начала тлеть. Параллельным курсом прошла третья дымовая стрела, тоненькая и с виду совсем не страшная. Совершив кульбит, развернулась, устремилась навстречу планеру. В тот же миг стекло перед пилотом брызнуло осколками. В салоне засвистел ветер. Гремлин свесил голову набок, и я, находясь в каком-то отстраненном состоянии сознания, заметил струйку крови на его шее.

– Fucking shit! – взревел Зак.

Планер летел по пологой траектории почти параллельно земле. Казалось, он и не падает вовсе. Но это ощущение было обманчивым. Очень скоро брюхо коснулось верхушек пальм. А еще через мгновение одна из веток какого-то дерева со скрежетом пробила фюзеляж, зацепила мою ногу жесткими листьями и тотчас сломалась.

Грустно, медленно и словно нехотя «птеродактиль» скользил вниз, подминая под себя яркую растительность. Птички и мелкая живность прыснули в стороны. Последовал еще один удар, и наступила полная тишина.

– Жив кто-нибудь? – сипло проговорил я через минуту.

Все мышцы отчаянно болели. Взгляд наткнулся на искореженный жезл. Задняя часть у него аккуратно, будто кусачками, была отделена от боевой и свисала на ремне в рваную дыру в днище планера. Через дыру было видно, что мы застряли в паре метров над землей. Я выругался.

С противоположной стороны отсека, из месива листьев, донеслось сдавленное сопение, и наружу высунулась потная физиономия Зака. Глаза его, распахнутые до предела, сверкали словно плашки с горящими фитилями.

– Пора сматываться, командир, – сказал он. – Или засаду устроим?

– Спятил? Нет у нас такой задачи. Эй, Люсьен! Жив, что ли?

Француз не ответил. В сердце шевельнулся холодный червячок. Передвигаясь на коленях, я подобрался к снайперу, перевернул тяжелое неподвижное тело и присвистнул.

– Черт, что это за хрень собачья?

Француз был мертв – ствол дерева пронзил его грудь насквозь. У солдата не было никакого шанса выжить. Но главным было вовсе не то, что Люсьен погиб. Между рваных краев сквозной дыры в его груди виднелось месиво блестящих внутренностей. Серебро и бронза, трубки из прозрачного кварца, по которым струилась зеленая жидкость, какие-то гладкие пластинки из полированной яшмы. И клубки волосатых подергивающихся корешков, которыми все это было затянуто, как паутиной.

Одна из веток задела мертвеца по лицу, содрав крупный пласт кожи вместе с глазницей. Слегка выщербленная бронза черепа казалась матовой. На лбу из-под содранной кожи виднелись завитушки эльфийской надписи. На месте пострадавшего глаза торчал телескопический штырь с желтой линзой. Содранный кусок кожи, с которого капала тягучая жидкость, так и болтался нашипленным на ветку – она прошла сквозь бывшую глазницу.

– Fucking gay... – услышал я шепот черного соратника. – Что это за терминатор?

– Наверное, голем. Или гомункулус. Говорят, эльфы держат самых башковитых гремлинов в концлагерях, чтобы те изобретали всякие технические штуковины. Единение с природой штука хорошая, но без техники все равно не обойтись.

– То-то я смотрю, у него мышцы, как стальные, и одна лапа весит, как моя тетушка. А это универсальный солдат, оказывается! Абсолютное оружие, так сказать.

– Рад, что его прикончило дерево, – признался я. – Не доверяю гомункулусам. Тем более замаскированным под человека. Наверняка у него было задание убить после Шамана и нас. Как опасных свидетелей.

– Перестань меня пугать. Все роботы подчиняются первому закону роботехники и не могут причинить вреда людям.

– Что ты несешь? Это же не человеческое изобретение. Не киберняня, а машина для уничтожения. Дестроер, понял? У эльфов и гремлинов мораль вообще другая, они же не люди. Кстати, о гремлинах. Проверь-ка, что там с пилотом.

Я нашарил под растительным месивом вещмешок и снайперский жезл Люсьена. Это было хорошее магическое устройство модификации «Глаз дракона», по возможностям близкое к боевому посоху. У него имелся удобный прицел, использующий оптическую магию, и подствольный метатель файерболов. Второй подобный жезл имелся у Зака, хоть и без продвинутого прицела. Представляете! А мне полковник Назуз запретил брать мощное оружие. Настоящая дискриминация!

Маггут все еще ковырялся в кабине.

– Ну? – резко спросил я.

– Погиб, – отозвался Зак. – Осколки попали в голову и грудь. Shit!

– Он-то хоть настоящий гремлин?

– Вроде да. Кровищи с ведро натекло!

– Забери у него карту, и сваливаем.

Коротким ударом ноги я выбил дверцу, которую перекосило, но чудом не заклинило напрочь. Под брюхом планера тяжело плескалось растительное море – не такое густое, как в джунглях, но и не соломенно-желтое и колкое, как в саванне. Что-то среднее, но наверняка кишашее змеями и ядовитыми насекомыми.

Увесистый вещмешок бухнул по ногам, когда я спрыгнул. Тотчас по телу прокатилась тупая боль – ни мышцы, ни кости еще не отошли после жесткого столкновения планера с деревом. Следом вывалился Зак. Кажется, орк чувствовал себя неплохо, хоть и хмурился, кривя толстые губы.

– А твой собственный жезл где? – спросил он.

– Конец ему, – сказал я. – Обломки там бросил. Но у меня еще поясной есть.

Мы отошли на несколько десятков метров от тлеющего планера.

– Подствольник к бою, – хмуро приказал я. – Двух файерболов должно хватить. Засадишь под брюхо, чтобы в горючие горшки попасть. Как же хорошо, что они не рванули во время падения!

Я прислушался к природным шумам, но ничего подозрительного не уловил. Разве что птицы, оправившиеся после падения планера, вновь начали замолкать, будто их что-то пугало. Зак навел жезл на далекого уже «птеродактиля» и выстрелил.

Столб огня взметнулся к небу, охватывая ближайшие пальмы и траву. Над головой взвизгнули осколки, сверху осыпались срезанные ими листья.

– И одного хватило, – проворчал Зак и криво осклабился. – Прощайте, ребята... То есть пилот.

– Мы достойно похоронили его. И этого монстра, надеюсь, тоже.

– Сувенир остался! – Зак помахал искусственной кожей с черепа гомункулуса и вновь спрятал его в самом дальнем кармашке обмундирования.

– Выброси эту гадость... Сгниет же.

– Вот еще. Эльфийские штуковины не гниют! Внукам буду показывать. Ну, что дальше?

– Будем выполнять боевую задачу.

– После всего, что произошло? Вы, русские, настоящие герои, – неодобрительно проворчал орк.

– Ну, так и есть! – согласился я. – К тому же, брат, я влип по уши. Не грохнем этого Шамана, на меня столько собак навешают, что не миновать трибунала.

Глава 4

К полудню мы отмахали по редколесью километров пятнадцать. Идти приходилось быстро, по возможности избегая открытых пространств. Во-первых, потому, что не хотелось будоражить стада антилоп – ведь любой следопыт из местных по реакции животных легко вычислит чужаков. А во-вторых, я всерьез опасался крупных тварей типа местных слонов или львов. Мало ли что взбредет в голову дикому зверю? Отстреливайся потом, попусту расходуя заряд кристаллов.

Содержимое мешка я сразу поделил на две равные части: консервы отдал орку, а снаряжение для снайперского жезла оставил себе. Было тяжело, и почти весь путь прошел в каком-то липком мареве, застилавшем глаза. Да и ладно, зато о провале задания думать было некогда.

В полдень устроили привал, выбрав крохотную полянку. С одной стороны ее прикрывал взгорок, а с другой – густое переплетение тонких лиан, утыканных колючками величинной с палец. Север, откуда могла появиться погоня, просматривался через редкую поросль.

– Как думаешь, вдвоем справимся? – спросил Зак. Пожевав вяленого мяса, он плотнул из фляжки воды, тщательно отмеряя остаток, и развалился на склоне пригорка.

– А куда нам деваться? – сказал я.

– Жалко только, связи нет. А то бы доложили обстановку по всей форме. Что теперь командование подумает?

– Ничего хорошего, – согласился я. – Вышлют еще один планер на поиски. Хотя это вряд ли, побоятся потерять и его. Отправят к месту аварии птиц-шпионов, а там одни обгорелые обломки. Ясно, все мертвые. В общем, друг, мы с тобой погибли смертью храбрых, так и напишут твоим родным и близким. А моим вообще ничего не напишут.

Было удивительно тихо, только насекомые, ничуть не боящиеся человека, в полном согласии с вековой генетикой продолжали скрипеть, пиликать и шелестеть надкрыльями. Похоже, на них жара не действовала. Дико хотелось пить, но я сдерживался и не припадал к фляге. Нам до сих пор не встретилось ни одного ручья, и кто знает, может, придется топтать до самой Касаши, чтобы напиться. А это еще сорок пять километров.

Может это наивно, но я надеялся, что нам удалось сбить с толку возможных преследователей. Если даже те и заподозрили, что в катастрофе кто-то выжил, то могут подумать, будто проклятые «киафу» двинулись на запад, к своим. Размышлять о том, что где-то за ближайшим деревом крадется гоблин племени таха с боевым жезлом или духовой трубкой, не хотелось. Если такое случится, нам ничто не поможет – пристрелят так быстро, что и понять ничего не успеешь. Чтобы воевать с гоблинами в лесу и саванне, надо хотя бы поучиться этому. А кто станет готовить из «небесных повязок» настоящих диверсантов, если это противоречит политике эльфийского Совета?

За размышлениями о трудной судьбе невольного диверсанта я и не заметил, как задремал под мерное гудение каких-то жуков. Проснулся от негромкого голоса Зака – зато сразу, готовый к отражению атаки. Руки рефлекторно сжали жезл Люсьена – про карманную пукалку я и не вспоминал.

– Идем, что ли? – спросил орк. – Вроде все тихо. Хорошо бы воду найти.

* * *

На воду наткнулись часам к пяти вечера. Как я ни крепился, фляжка к этому моменту была уже пуста, а пить все равно хотелось нестерпимо. Позади лежали двадцать пять километров джунглей: заросли становились все более густыми и все менее проходимыми.

Когда между кустов блеснула змейка ручья, полузаваленного корягами и почти затянутого вездесущими шипастыми лианами, мы едва не бросились руками разгребать препятствие.

– Подожди, – опомнился я. – Там могут быть водяные змеи.

Орк замер и отодвинулся от ручья, в который уже готов был погрузить руку с пустой фляжкой.

– Что ты предлагаешь? Пугнуть их из «глаза дракона»? Или наловить трусами, чтобы сварить?

– Поясного хватит. – Я направил в переплетение слепящий луч маленького жезла. Если там и гнездились какие-то твари, поток яркого света, от которого закипала вода, должен был обескуражить их. – Теперь набирай. Или я ошибся, а ты собирался наловить змей? Тогда лучше метнуть в ручей файербол. Сразу вареные будут.

Хлеща воду маломощными вспышками, чтобы держать водных тварей в отдалении, я сухо сглатывал несуществующую слюну. Вскоре орк заполнил фляжку и тут же бросил в нее таблетку обеззараживателя. Фляжку распили на двоих. Еще две банки консервов были съедены за минуту – и пустые жестянки бесследно пропали на дне.

Еще пару километров мы шли на запад вдоль хилого потока воды, никак не в силах расстаться с ним. И все же это пришлось сделать – наш путь лежал на юг, в сторону Каса, городка, где обитал Черный Шаман.

Сопровождаемые переключками невидимых среди ветвей обезьян, мы упорно пробивались к цели.

* * *

На ночевку решили остановиться в девять часов вечера, когда сил идти дальше совсем не осталось. Солнце спряталось за верхушками пальм, но прохлады это не принесло. Откуда-то налетели москиты, они набрасывались на нас с непонятной яростью. Неужели, кроме двух диверсантов, не у кого крови напиться? Репеллент помогал мало, его быстро и без остатка смывал пот.

Короткий ужин прошел в молчании – я прислушивался к шумам леса, страхась различить голоса хищников, орк о чем-то рассеянно размышлял.

– Ты кем на гражданке был? – спросил он вдруг, развалясь на траве и глядя в темнеющее небо. Москиты, кажется, нimalo не трогали его – наверное, сказывалась кровь орков или толстая кожа.

Я не сразу сумел отвлечься от настоящего, чтобы вспомнить прошлое. Словно мне приходилось вспоминать не свою жизнь, а чью-то чужую, настолько события последних дней вытравив во мне обычные человеческие эмоции.

– Студентом, – ответил я. – В университете учился, на специальности «преподаватель иностранного языка».

– Круто, учителя богато живут. А девушка у тебя есть?

– Ага. Эльзой зовут. Я же вроде рассказывал на мэллорне?

– Ну, брат, я после тамошнего «зайчика» ни черта не помню.

– И Лолиэт забыл? И «мины-огурцы»? Тебя, кстати, и в диверсионную группу взяли потому, что ты минер-подрывник. Мне полковник Огбад так сказал.

– Да какой я подрывник? Выдумка это все для баб. – Зак смущенно хихикнул и махнул рукой. – Ты лучше скажи, каким путем можно из студентов в наемники попасть?

– Обычным, – сказал я. – Загулял, перестал учиться, вот и вышибли. Можно было, конечно, перейти на платное отделение, да у родителей денег не хотелось брать. Как только из университета документы забрал, призвали в армию. А ты как здесь оказался?

– У меня прапрадед на флоте воевал, – мечтательно ответил орк. – Не помню, то ли с японцами, то ли с русскими. И прадед во Вьетнаме. И дед где-то на Востоке, кажется в Корее. Венесуэлу с Ираком тоже гасил. Отец под винтовкой ходил на арабов с палестинцами. Пенсия у него будь здоров! Я, когда в армию завербовался, позвонил ему. Думаю, пусть порадуется старик. Он прямо прослезился от счастья. Война для орка – главное в жизни. Мне оружие нравится. Чем мощнее, тем лучше. Я хотел даже в артиллеристы податься. – Он помолчал, но я не встревал с вопросами, постепенно отключаясь. – Только это все не так просто на самом деле... У меня брат Тео есть, старший, он с наркотиками связался. Мы в Атланте живем, а там мафия очень жестокая. Он сбывал на улицах товар, а цену делал немного выше, чем у других торговцев. Совсем чуть-чуть. А разницу себе в карман складывал. Так многие делали, только у них приказ был, а у Тео такого приказа не было. Боссы об этом узнали и покалечили его. Сейчас в больнице лежит с перебитым позвоночником. Не был бы орком, умер бы...

– А ты чего? – заинтересовался я.

– Да ничего. Они и мне предлагали на них работать, чтобы лечение оплатить. Только я отказался. А здесь неплохо платят. Для таких парней, как я, в самый раз. И на жизнь остается, и на оплату лечения. Только знаешь что?

– Ну?

– Я не все время тут лямку тянуть буду. Годик послужу, потом обратно на Землю. В морскую пехоту. Оружие разное освою, приемы рукопашные, другие военные науки... Послужу, пока брат не поправится, а потом вернусь в Атланту. И тогда им всем придется худо, точно тебе говорю. Я некоторых пушеров знаю, и Тео кое-кого покажет. А там и до боссов доберусь. Куплю себе винтовку с оптическим прицелом, гранатомет, магический жезл достану, мин-лягушек да мин-огурцов – и тогда им всем конец. Хороший у меня план, а, Федор?

– План-то? – протянул я. Вялый, полусонный мозг соображал слабо, но даже в таком состоянии в замыслах орка мне виделся порядочный элемент авантюризма. – План ничего, только повяжут тебя быстро. Шмальнешь один раз в своей Атланте, тут тебя и загребут. А если убьешь кого, электрический стул обеспечен. А то и сразу повяжут, как гранатомет в гараж притащишь и соседи стукнут. У мафии на всех уровнях завязки – и в мэрии, и в бизнесе, и в правосудии. Нет, одному человеку с мафией не справиться. Это только в кино так бывает – пришел герой с пистолетом и всех врагов покрошил в капусту. Нет, Зак, лучше поменяй свой план...

Костер мы так и не решились развести, к тому же никакого сушняка или другого хвоста в джунглях не имелось. А кромсать на дрова пальму казалось глупым.

– Верно говоришь, командир, – с какой-то первобытной горечью сказал орк. – Да, мы не в кино... Damn! А знаешь, где один не справится, двое вполне смогут.

– У тебя есть крутой приятель?

– А ты? Я про тебя говорю, Федор. Давай со мной в Штаты. С языком у тебя проблем не будет, устроишься у нас в Атланте на бензоколонке. И будет у нас команда мстителей. Мы их быстро замочим, вдвоем-то. Тем более ты диверсионные курсы в ГРУ прошел. Соглашайся!

– Давай-ка спать, – проворчал я. – Придет же блажь в голову.

– А что? Бабок нарубим мафиозных, сто миллионов.

– Неохота мне с вашей мафией связываться, по правде говоря. У нас и своя есть. Ударит мне моча в голову – и с русской побороться можно, не обязательно с вашей. Наша-то, кстати, покруче будет. Все, спать! Это приказ...

* * *

Черноту, наполненную басовитым гудением, как будто кто-то распластал коротким взмахом ножа. Из прорехи выплыла вращающаяся огненная сфера и медленно надвинулась на него, обдав ядерным жаром. Он не боялся ни жара, ни холода и все-таки дернул рукой, пытаясь оттолкнуть сферу – та могла обжечь его напарников. Сфера вильнула в сторону, сжалась в ослепительную точку и стремительно нырнула вперед, впившись ему в глаз. Он вскрикнул и затрепыхался. Но не от боли, боли он тоже не чувствовал, а от боязни, что огненная капля повредит точные механизмы внутри головы.

Так, крича и дергаясь, он свалился на землю. Высота падения была приличной, и удар отозвался во всех органах и сочленениях. Замкнулись какие-то важные контакты, бывшие еще секунду назад разорванными. Он сразу же прозрел, вспомнил все, что случилось в прошлом, и все, что предстояло сделать в будущем.

Он встал, осыпаясь пеплом с горящего в кронах пальм планера.

Органы движения и действия слушались плохо. Орган зрения – тот, в который впилась раскаленная искра, – никак не желал сфокусироваться. Он попробовал позвать напарников голосом. Надежда на то, что люди уцелели там, где едва не утратил функциональность он, боевой гомункулус с кодовым именем Люсьен, практически отсутствовала. Однако попытаться следовало в любом случае. Из ротового отверстия вырвался звук, подобный визгу металла, разрезаемого фрезой. Разумеется, люди не отозвались. Тогда он медленно, по спирали двинулся вперед, обыскивая местность. Надлежало, во-первых, найти трупы (для уничтожения), во-вторых, оружие (для использования). Задача ликвидации Черного Шамана оставалась для Люсьена главной.

Он не нашел ни того, ни другого, зато наткнулся на следы. Следы принадлежали его напарникам. Двое бойцов выжили и ушли выполнять приказ. Без него.

С необходимым ему оружием.

Он задействовал все сохранившиеся органы чувств и двинулся по следу.

Глава 5

Проснувшись мы, как и положено диверсантам, с рассветом. Вместе с многочисленным зверьем и птицами, которые засели в густых ветвях и никак не желали показываться на глаза. Только яркие попугаи смело порхали в вышине да корчили рожи бесшабашные макаки, закидывая наш бивак шкурками фруктов.

Я с неудовольствием ощупал подбородок и щеки. Проклятая щетина лезла из каждой поры. Но не бриться же ножом. Хотя у Зака, кажется, даже мыло имеется. Воды, впрочем, жалко, и так не хватает. Или росы насобирать? Нет уж, сойдет и так.

Через пару километров к югу появились первые приметы того, что поблизости находится человеческое жилье. Явно обобранные плодовые деревья, истоптанные прогалины в зарослях, а в довершение – лай собак.

– Что это? – с тревогой прошептал орк, втягивая носом воздух. – Неужели собаки? Я вообще-то их жутко боюсь. Фобия у меня. Реакция на перенесенный в детстве шок. Мне психолог толковал.

– Слушай больше этих шарлатанов.

– Да серьезно тебе говорю, фобия. Меня ребенком доберман покусал. Наверное, почувал, что я не человек.

– Расслабься, – сказал я уверенно. – Это птица какая-нибудь. Попугай, например.

– Откуда попугаю знать, как лают собаки? – продолжал ныть орк. – Если лает, значит, слышал.

– Ну и слышал. Может, это вообще енотовидная собака тявкает, а не сторожевая.

Я вынул карту и напряженно всматривался в координатную сетку, пытаюсь определить наше местоположение. Никаких нормальных ориентиров типа горных пиков, пропастей, одиноких баобабов и речных излучин в этой части джунглей не имелось. Ближайший водный поток должен был находиться в нескольких километрах на юг.

– Неужели нас вынесло к Хенду? – пробормотал я.

– Сильно сбились с пути? – нахмурился Зак.

Сжав губы, он по-волчьи озирался вокруг: первобытные качества орка в родной стихии стали подавлять наносное, цивилизованное. Еще немного – и миротворец «небесных повязок» сбросит защитный комбинезон и наденет повязку из шкур диких животных, еще сочащуюся свежей кровью. Хорош же он будет в таком виде с боевым жезлом.

– Отклонились километров на пять, не меньше. Придется забирать западнее, чтобы не напороться на Хенд.

Но пройти нам удалось не больше километра. Недаром время от времени по сторонам раздавалась подозрительная возня, а макаки на верхушках орали с особой пронзительностью. Так или иначе, когда одновременно с разных сторон из травы возникло с десятков полуголых гоблинов с копьями наперевес, готовых в любую секунду метнуть свое примитивное, но чертовски острое оружие, мы оба остановились как вкопанные.

– I guess we're fucked now, – сообщил Зак. – Держу пари, эти парни – таха. Постреляем или убежим?

– Попробуем договориться, – решил я и поднял руки.

Но громилы хранили неподкупную суровость.

– Мы из контингента эльфов, – проговорил я. Эльфийская речь с примесью английских слов должна была убедить поселян, что пришельцы – не киафу. Иначе рассчитывать на снисхождение не приходилось.

Я осторожно расстегнул ворот гимнастерки и вынул армейский медальон. Один из копыеносцев, самый представительный и покрытый множественными рисунками по всему

телу, осторожно приблизился ко мне, шурясь на серебряную пластинку. На ней был выбит силуэт единорога и ряд эльфийских рун.

– Где ты это украл, белый подлец, сын больной обезьяны, вонючий помет безрогой антилопы? – спросил гoblin на очень плохом эльфийском.

– Не крал. Мое! – твердо заявил я.

На град оскорблений я решил не реагировать, – кто знает, может, в джунглях Нового Шагорана это принятая форма приветствия.

Хозяин местности укоризненно покачал головой и ткнул пальцем в Зака:

– Киафу?

– Представитель эльфийского Совета, – отозвался орк на таком же отвратительном гoblinо-эльфийском наречии и продемонстрировал такой же медальон, как у меня. – Идем мимо, никого не трогаем. Оберегаем мир в стране. Мир Даггошу!

– Киафу, – словно соглашаясь сам с собой, кивнул предводитель. – Таха убивать киафу!

В ответ собравшиеся вокруг гoblinы взметнули руки с копьями и издали настолько воинственный, согласованный клич, что от его мощи и глубины мороз подрал по коже. Хотя жара сегодня стояла не менее сильная, чем обычно. Один из гoblinов отдал копьё товарищу, вынул из-за спины приплюснутый барабан и принялся колотить в него палкой, смахивавшей на берцовую кость. Да и сам инструмент, очень может быть, покрывала человеческая кожа.

– Let's get the fuck out of here, – вполголоса сказал Зак. – Сожрут и не поморщатся.

– Откуда здесь людоеды? Ты что, сбрендил? Разберутся и отпустят.

– Ох, сомневаюсь... Тебе виднее, командир. Только я бы жахнул над головами из жезла и свалил.

Однако жезлы у нас тут же отобрали. Впрочем, обшарить целиком не додумались – святая новошагоранская простота! Настоящий диверсант такую беспечность без наказания не оставит. Выдернет из подошвы нож и мгновенно нашинкует врагов на тонкие мясные полоски. Если успеет до того, как его насадят на копьё.

– Ты зачем говорил с таким диким прононсом? – прошипел я, когда нас вели через заросли, порой подгоняя тупыми концами копий. – Думаешь, стал меньше походить на киафу?

– Черт, откуда я знал? – огрызнулся Зак. – Думал, так ему понятнее будет. А надо было с гарвардским акцентом выражаться? Могу попробовать.

– Сейчас уже поздно с ними разговаривать...

* * *

Встречать славных воинов таха, пленивших врага, высыпало все население поселка. Штук сорок неказистых хижин, крытых пальмовым листом, опустели разом, – порядочная толпа почти голых поселян уже суежилась на главной площади деревни. Посреди нее торчал подозрительно обгорелый ствол пальмы.

– Говорил я тебе, – пробурчал Зак. – Сейчас поджаривать будут.

– Хорошего же ты мнения о своих братьях, – отозвался я без былой уверенности. Предположение соратника было очень неприятным и чересчур походило на правду.

– Какие они мне братья? Я орк, они гoblinы.

– Разве это не одно и то же? С виду не отличишь.

– Прекращай оскорблять меня!

Среди всего населения деревни меня в первую очередь заинтересовали женщины, одетые более ярко, чем их соплеменники мужского пола. Некоторые позволили себе вплести в волосы тропические цветы, а также вставить в ноздри раскрашенные острые палочки. Даже их набедренные повязки смотрелись элегантно. Однако грудь у многих подкачала, свисая

едва ли не до пупка, особенно у зрелых матрон. Впрочем, мелькали и вполне симпатичные особы, которых не портили даже огромные носы и удлинённые волосатые ушки. Дети же лет до семи вообще предпочитали носиться нагишом и кричать что-то торжествующее. Они буквально кишели в толпе, словно муравьи – на мешке сахара.

Нас провели сквозь толпу, и я разобрал многократно исторгнутое гоблинами слово «киафу». Особо рьяные даже плюнули в пленников. Воины с копьями грозно отгоняли детей, чтобы тех ненароком не затоптали.

Центральная хижина в поселке отличалась великолепом: ее покрывал толстый слой свежих пальмовых листьев, да и опоры выглядели прочно. Перед ней восседал на плоском камне гoblin зрелых лет, рядом с которым надрылся поцарапанный магический шар. Услышать в джунглях современные даггошские шлягеры было как-то дико. Однако мы приободрились – раз цивилизация уже дотянула сюда свои липкие щупальца, значит, у нас есть шанс избежать смерти в котле или на вертеле.

– Кто такие?! – грозно спросил вождь по-эльфийски, перебивая музыку из шара. К нему скользнула довольно свежая девица и подала огромную миску с чем-то желто-зеленым. Гоблин погрузил в массу металлическую ложку и благосклонно отведал пищи. Похоже, он не собирался откладывать трапезу ради каких-то пришельцев, особенно киафу.

– Представители эльфийского Совета, – охотно пояснил я.

Обернувшись, я увидел, что сзади выстроилось несколько слоев поселян – первый состоял из воинов с копьями, второй из парней и стариков, дальше толпились женщины и сновали дети. Никто, правда, не решался шуметь. Наверно, опасались заглушить мелодии, исторгаемые хрустальным шаром.

– Какими судьбами в Хенде? – продолжал орать вождь, одновременно жуя.

– Может быть, стоит убавить звук? – спросил я, показывая на шар.

– Выемка громкости расколота, – отозвался гоблин. – Проклятые дети! Ничего оставить нельзя.

Он раздраженно потыкал пальцем в основание шара. После десятка попыток шар наконец умолк, и стало слышно, как задние ряды любопытствующих возбужденно переговариваются. Вождь свирепо взглянул на племя. Тотчас повисла напряженная тишина.

– Ну? Отвечай, белая обезьяна!

– Проводим сверку реальных геодезических данных с имеющимися, – сказал я. Звучало это глупо и чересчур по-земному, но ничего вразумительного придумать я не успел. – Сейчас направляемся в место расположения основной группировки «небесных повязок».

– Зачем оружие? – резонно поинтересовался вождь, отставив ополовиненную миску. – Где теодолиты? Где карты?

«Черт, он что, Сорбонну оканчивал?» – Я лихорадочно размышлял, что бы еще соврать, да так, чтобы не пасть окончательно в глазах гоблинов. Мало того, что нас принимают за врагов, пособников западного клана, так еще и уличат во лжи. Но не говорить же правду! Тогда о задании уж точно можно забыть.

– На дорогах страны опасно. Оборудование утонуло при переправе через Луфу, а карта имеется. Мы не причиним вашим людям никакого вреда. Прошу разрешить нам двигаться дальше на запад.

И без того широкое, раздувшееся на отменных харчах лицо гоблина расплылось в улыбке.

– Они не причинят нам вреда! – крикнул он, взмахнув руками и словно подавая знак соплеменникам. Те грохнули от смеха, причем хохотали даже дети – их тонкое повизгивание особенно задевало мое самолюбие.

– Может, все-таки перестреляешь их? – вполголоса предложил Зак. – У тебя же остался поясной жезл. Покажи им, кто тут главный! Начни с вождя.

– Пошел к черту, убийца. Ты разве не смеешься над удачными шутками?

И я скрепя сердце поддержал начинание вождя, улыбнувшись и даже хлопнув в ладоши. Мой жест подхватили, и в следующую секунду от грома аплодисментов затряслась крыша дома.

Вождь тотчас поднял руку и восстановил тишину. Он был неглупым мужиком и разбирался, кажется, не только в геодезии, но и в архитектуре.

– Мы отпустим вас, – сказал он и одним взглядом остановил разочарованный ропот соплеменников. Мне показалось, что позади кто-то крикнул: «А как же свежее мясо?» – У нас нет врагов, кроме грязных киафу. Остальные жители Даггоша и гости Нового Шагорана могут не опасаться гнева таха. Конечно, молчаливый орк рядом с тобой, белая обезьяна, должен будет доказать, что он не киафу. Это будет трудно. Но ведь для настоящих геодезистов не существует трудностей, верно? Этот геодезист должен пройти испытание. Заодно и повеселимся на славу. Пока же познакомимся.

Дождавшись наших ответов, он сказал:

– Меня зовут Гушшах-Бижи, что на языке эльфов значит Потрясающий Пальмы. Если успешно пройдете испытания, вы узнаете имена и остальных моих подданных, – обнадежил он.

* * *

Первым делом нас все-таки обыскали и отняли вещмешки. В углу хижины образовалась порядочная куча инвентаря и боеприпасов, в которой вождь никому не позволил копаться. Гоблинские воины, но особенно я и Зак, с болью следили за тем, как в сундуке Гушшаха-Бижи исчезают водостойкие спички, ножи, эльфийский шнур, брикет сухого спирта, самые лучшие консервы и прочие припасы. У Зака нашли и кусок кожи гомункулуса. Однако вождь, которому сыскарь передал находку, со смехом заявил, что это плохой чехол для банана, потому что с дыркой, да к тому же детского размера, и швырнул обратно.

Тучная жена вождя суежилась тут же, стараясь урвать что-нибудь и себе, но Потрясающий Пальмы не дал спутнице жизни даже одного жалкого кристаллика для карманного жезла. Сунул ей спичку и прогнал с гневным криком. Дочь вождя вела себя скромнее и потребовала только блестящую упаковку с таблетками обеззараживателя.

– Наркотик? – заинтересованно спросил Гушшах-Бижи.

– Нет, конечно, – удивился я, и вождь тут же отдал пачку молодой гоблинше. – Только если мы будем пить воду без этих таблеток, нам грозит отравление.

Но Потрясающий Пальмы лишь отмахнулся.

– Я пока не отравился, мой народ не отравился, значит, и с вами ничего не случится, – заверил он. – Касаш – чистая река. Геодезисты тут редко бывают, некому загадить.

К счастью, оружие и боеприпасы он трогать не стал. Лишь повертел в руках жезлы, понюхал и выдал:

– Грязная магия!

– Мы только позавчера их чистили, – возмутился я.

Но вождь не прислушался к моему мнению, и это было к лучшему. Разворошив припасы, он приказал гоблину из охраны свалить все «лишнее» в соломенный сундук и прикрутил крышку звериным сухожилием. В сундук угодили и наши камуфляжные рубашки. Потрясающий Пальмы рассудил, что геодезистам следует загорать. Правда, кепки он нам доброжелательно оставил, хотя многие воины таха завистливо косились на красивые головные уборы.

– Все готово для первого тура? – спросил вождь у важного подданного.

Тот подобострастно кивнул, и нас вывели на воздух, где продолжала шумно веселиться толпа поселян. Похоже, девушкам понравились сильные и высокие пришельцы, и они старались привлечь наше внимание самыми откровенными жестами и позами. Видимо, многие мужчины племени ушли на войну с киафу, и этим красавицам не хватало ласки.

– Пиф-паф – нет! – сообщила одна из них, коснувшись меня бедром и грудью. – Секс – да!

Но тут ее оттеснила другая с аналогичными лозунгами, и у меня поплыло перед глазами. В военной части с девушками напряг, и каждая из них, пускай даже волосатая с ног до головы, способна разжечь в сердце солдата нешуточный пожар. А когда их сразу десять? Тут у самого стойкого миротворца может случиться тепловой удар. Даже верность Эльзе стала казаться мне чем-то необязательным.

– Ты только посмотри на эту пышку! – Зак толкнул меня локтем и показал кивком головы на пухлую гоблиншу с мощной грудью, которая подавила подруг массой и завладела вниманием воина. – Как раз в моем вкусе.

– Соберись! – приказал я. – Не смей расклеиваться! Тебе предстоит серьезное испытание. Эй, Потрясающий Пальмы!

Вождь, совещавшийся с кем-то поблизости, повернул к нам торжественное лицо.

– Ну? Что ты хочешь сказать мне, белая обезьяна Федор?

– Я хочу спросить. Если я точно не киафу, может, прикажешь своим храбрым воинам отпустить меня? Обещаю никого не калечить и смиренно принять результаты испытания. Потому что я уверен, что мой соратник – военный геодезист родом из земной Америки. А никакой не киафу.

– Америка – это плохо, – подумав, сообщил Гушшах-Бижи. – Почти так же плохо, как киафу. Я знаю. В старину, когда путь между мирами людей и народа гоблинов был открыт, американцы угнетали нашего брата на своих полянках. Значит, тебя тоже угнетали, полосатая обезьяна Зак?

– Еще как, – охотно согласился тот. – Но я бежал из плена и прибыл на Новый Шагоран, чтобы нести твоим людям мир и согласие. Мир Даггошу! Долой киафу!

– Что ты несешь? – прошептал я по-английски. – Ты что, батрачил на плантациях белых?

– Ты становишься похож на Потрясающего Пальмы. Что, уже пошутить нельзя? По-моему, он именно это и хотел услышать.

Действительно, физиономия вождя разгладилась, но снимать обвинение с Зака он не спешил. Видимо, развлечение ценилось им гораздо выше, чем слова чужака, тем более не подкрепленные делом.

– Подумав, я решил, что ты останешься здесь, друг гоблинов Федор, – отвечая на мой вопрос, сказал вождь. – Какой же ты товарищ, если готов бросить Зака в опасности?

Тут деревенская площадь как-то вдруг расчистилась, и мы с Заком оказались в одиночестве, в десяти метрах от пресловутого столба, на котором отдельные несознательные гоблины хотели бы нас зажарить. Потрясающий Пальмы опять оживил хрустальный шар, и поляну огласили бодрые звуки эльфязычного хита с откровенно этническими мотивами. Некоторые селяне даже подхватили песню, как будто слышали ее не впервые.

Из полукруга зрителей выдвинулся рослый гоблин в устрашающей раскраске, подбежал к пленникам и вручил Заку огромное, даже на вид тяжеленное копье.

– Это оружие настоящего таха, – гордо сообщил он на ужасающем эльфийском. – Копье Либубу! Порази им ствол мертвой пальмы, и тогда мы посмотрим, таха ли ты.

– Какой еще таха? Я орк, а не гоблин!

– Орки – младшие братья гоблинов, разве тебе это неизвестно? – удивился вождь. – Немножко более сильные, но, как все младшие братья, намного более глупые. Не капризничай, бери копье.

Зак принял копье и едва не выронил – настолько тяжелым оно оказалось.

– Чертовы дикари залили его свинцом, не иначе, – пожаловался он. – Это горелое дерево станет моим позорным столбом. I don't understand this fucking shit!

– Ничего, ты справишься, – ободрил я его. – Посмотри, сколько девушек вокруг. Они ждут от тебя меткого броска. Попади, и все они будут твои, ручаюсь.

И точно, группа поддержки разразилась криками, – по-видимому, уже тот факт, что Зак сумел удержать копье Либубу, говорил в его пользу. Девушки, да и более зрелые гоблинши принялись совершать весьма откровенные телодвижения, вдохновляя пленника на подвиг.

Хрустальный шар замолк, символизируя торжественность момента.

Раскатиисто крикнув, орк воздел оружие над плечом, размахнулся и метнул его что было сил. Наконечник с хрустом вошел в самый край пальмы, древко покачнулось, увлекаемое собственной тяжестью, и все ахнули. Однако копье скрипнуло, остановило падение и замерло, торча под небольшим углом. Через мгновение зрители разразились таким ликующим воплем, что столб, устоявший под ударом копья Либубу, едва не рухнул от акустического натиска.

Снова зазвучала бодрая музыка.

* * *

– Ну что же... – многозначительно проговорил Гушшах-Бижи, утихомирив подданных. Несчастный шар опять погасили: начались двенадцатичасовые новости из Ксакбурра, которые тут, видимо, принципиально не слушали. И впрямь, зачем таха слушать ложь грязных киафу?

– Наш черный собрат Зак может оказаться настоящим таха...

Вождя поняли не все, поскольку многие не владели эльфийским. Те, кто что-то уразумел, принялись пересказывать речь Потрясающего Пальмы всем остальным, и на площади установился ровный гул.

– Но может быть и ловким обманщиком, укравшим у таха их мастерство и умения. А потому назначаю второй тур испытания!

Девушки заметно помрачнели, зато гоблины мужского пола заулыбались весьма одобрительно.

– Прошу самых уважаемых представителей семейств пройти в мою скромную хижину, – объявил Потрясающий Пальмы. – Там для вас уже приготовлены изысканные яства, а нашему черному собрату Заку мы подадим лучшее и вкуснейшее блюдо, это хухумржа!

Женское население поселка опять заметно повеселело: кажется, девочки, девушки и старушки поняли, что ничего страшного Заку не грозит.

– Ох, – нервно сказал Маггут. – Что-то не нравится мне название их лучшего блюда.

– Не дрейфь, брат. От доброй еды еще никто не умирал. Вспомнишь меню своих африканских и орочьих предков.

– Да я помню немного. Потому и опасаясь.

Нас вновь повели к главному строению в деревне. Действительно, приближалось время обеда. Не знаю, как орк, а я уже чувствовал острое желание подкрепиться.

– Не волнуйся, любимый, – смешно коверкая слова, прощebetала та самая толстушка, ошпарив Зака прикосновением могучих грудей. Несмотря на габариты, ей легко удалось

проскользнуть мимо охраны. – Ты просто съешь немного хухум-ржи, и мы сможем наконец встретиться наедине.

– Жду не дождусь, – страстно ответил орк.

– Только не переeday! – напутствовала его девушка.

– Хорошо тебе, – позавидовал я. – Вся деревня за тебя болеет.

– Ничего, и на тебя подружек хватит, – ухмыльнулся Зак. – Вон, посмотри на ту носатую брюнетку слева. Глаз с тебя не сводит, бесовка.

– Которая из них? – Я начал заинтересованно озираться. Брюнетками, на мой взгляд, были все девушки поголовно. Так же, как и носатыми.

– Она с красным кольцом в носу...

Но рассмотреть поклонницу мне не дали, толкнув под своды жилища. Все посторонние остались снаружи и вскоре разбрелись по своим хижинам, раззадоренные волнующими запахами еды.

Но хухум-ржа в их меню наверняка отсутствовала, потому что это было поистине царское блюдо.

На большом пальмовом листе лежала свернутая в спираль полосатая змея, к счастью, уже обезглавленная. Кулинар заботливо украсил мертвое пресмыкающееся разрезами, в которые поместил разнообразных насекомых и червей. Я ожидал, что все это будет гадко шевелиться, но ничего подобного не случилось.

– Не волнуйтесь, мои непроверенные друзья, – сказал вождь. – Все хорошо зажарено, никаких микробов и прочих глистов. Белая обезьяна Федор, конечно, может не пробовать хухум-ржу. Вряд ли он достоин такого блюда, хоть и геодезист. А вот полосатому брату придется отведать. Если он не киафу, конечно.

– Интересно, почему только киафу не могут питаться хухум-ржой? – недовольно спросил Зак. – В Америке, например, тоже не встретишь такого деликатеса. И в России. Верно, сержант?

– Это точно, – согласился я.

– Я отвечу, – величаво проговорил вождь.

Он сделал знак внимательно слушающим воинам и старикам, и те дружно расселись прямо на земляном полу хижины. Обе хозяйки – жена и дочь вождя – принялись наделять каждого пальмовым листом с обильной трапезой, однако гоблинам досталось совсем не такое роскошное блюдо, как Заку.

– Эта питательная змея, называемая хухум, живет в реках Даггоша, – продолжал нараспев Потрясающий Пальмы. – Она жила тут всегда, еще до появления на Новом Шагоране наших предков. И вот вскоре после того, как эти земли стали обитаемыми, между племенами таха и киафу возникли недоверие и даже вражда. А все потому, что идиоты киафу сделали из этой жалкой полосатой змейки божество. Дескать, она жила тут миллионы лет, а потому первородна и в ее глупой башке таится древнее знание. Кто еще слышал подобную чушь? Якобы эту тварь нельзя поедать, а то какие-то Номмо нас покарают. Или змейки хухум – это Номмо и есть, тут они сами путаются. А ведь мясо хухум очень полезно, в нем много витаминов и минеральных веществ. Разве в божестве могут быть витамины? Нет, это божества наделяют витаминами тех тварей, которых должны кушать гоблины! Так и повелось – они ей поклоняются, а мы готовим из нее пищу. Долгие века шла между нашими родами война, но никто не хотел отступить от обычаев предков.

Глаза вождя подернулись дымкой, словно он сам прожил все эти века и принимал участие во всех стычках. Я внимательно посмотрел на него: он вряд ли был намного старше моего отца. Гушшах-Бижи очнулся от лжевоспоминаний и продолжил:

– Мы совершали вылазки на запад, чтобы похитить женщин киафу и наловить хухум в их водах, они нападали на нас и тоже крали наших девушек... Славная история! Но вот

тридцать лет назад воды наших рек оскудели. Хухум ушла из них. Она стала появляться очень редко, лишь в периоды дождей. Тогда-то и договорились вожди племен о перемирии.

– И на каких условиях? – любопытствовал я.

История племенной вражды занимала меня не на шутку. В этой дикой гоблинской войне хотя бы был явный смысл, до которого не надо докапываться, выискивая тайные пружины помыслов и интриг.

– Хухум-ржа перестала быть повседневным лакомством таха, – с грустью ответил Гушшах-Бижи. – С тех пор ее можно поедать только раз в месяц, одному из заслуженных деятелей племени, в торжественной обстановке... Сегодняшняя порция предназначалась мне одному, белокожий странник. Поскольку я, как легко понять, самый заслуженный человек нашего рода.

Он взмахнул рукой, призывая соплеменников к началу обеда, и все дружно зачавкали печеными фруктами, лепешками и прочими яствами. Я тоже налег на пищу. И только Зак с тоской склонился над хухум-ржой, никак не решаясь ухватить змею и откусить от нее.

«Киафу, киафу...» – понеслось со всех сторон, пока еще не очень громко, но уже весьма угрожающе.

– Ешь эту дурацкую тварь, – прошипел я по-английски.

– Да я бы съел... Только эти тараканы с червями... Fucking shit!

– Знаешь, я думаю, что просьба очистить хухум от насекомых будет таким оскорблением для кулинара, что тебя прикончат на месте. Ведь это блюдо наверняка готовила дочь вождя или жена. Лучше ешь поскорее. Ну давай, закрой глаза и откуси. Не умрешь. – Я с соболезнаванием уставился на товарища и добавил: – Вспомни про острое копье Либубу, на которое тебя насадят, если ты не съешь хухум-ржу. У него такой широкий наконечник...

– Ладно, черт с вами, садисты! Shit! Shit!

Зак зажмурился, взял змею за хвост и медленно подтянул ко рту. Видимо, запах подействовал на него ободряюще, потому что он почти без судорог запихнул кончик змеиного хвоста в рот и откусил. По подбородку орка растекся подвернувшийся червь. Под крепкими зубами громко захрустели прожаренные хитиновые оболочки насекомых.

– Ну? – спросил я нетерпеливо. – Что скажешь?

Все собравшиеся с напряженным вниманием следили за физиономией диверсанта. Похоже, он должен был продемонстрировать правильную реакцию: не скривиться и не сплюнуть, а, наоборот, восхититься и сказать что-нибудь похвальное в адрес хозяйки. К счастью, Зак догадался об этом.

– Великолечно! – просипел орк, исказив в пароксизме неопределимой реакции рот. Трудно было понять, то ли он едва сдерживается, чтобы не сплюнуть, то ли и в самом деле наслаждается пищей. Гости истолковали его поведение правильно, они захлопали в ладоши и закричали: «Таха, таха!», затем поспешили вернуться к своим блюдам.

Вождь также приступил к трапезе, но жевал как-то вяло, без энтузиазма, порой задумчиво поглядывая на почти нетронутую змею. Зак опять не подкачал.

– Потрясающий Пальмы! – заявил он, едва протолкнув почетную еду в глотку и зажевав ее бананом. – Это великая честь для меня – отведать царской пищи с твоего стола. Но было бы проявлением неучтивости, даже наглости со стороны такого ничтожного геодезиста, как я, слопать твое блюдо целиком. Поэтому я с благодарностью готов вернуть тебе хухум-ржу. Надеюсь, когда-нибудь мне еще доведется попробовать столь божественной пищи.

Уважаемые гоблины племени – те, которые услышали и поняли его слова, – вновь разразились овациями.

– Ох, хитрец, – покачал головой вождь. – Ладно, не могу устоять против твоего предложения. Можешь считать, ты почти доказал, что не киафу.

Он ловко ухватился за почти целую хухум и стал жадно заталкивать ее в пасть, с аппетитом похрустывая жареными насекомыми. Удивительно, как быстро змея исчезала в его желудке. Буквально через минуту последний кусочек пропал между сочащихся червивым соком губ, и Гушшах-Бижи сыто рыгнул. Это привело к новому взрыву восторга среди соплеменников.

– Почти доказал? – переспросил ошарашенный Зак. – Разве это было не последним испытанием?

– Э, нет, дорогой полосатый брат, – проговорил Потрясающий Пальмы, пальцами вытаскивая застрявшие в зубах части надкрыльев и лапок. – Испытаний должно быть никак не меньше трех. Где ты слышал о двух или одном? Три, и никак иначе! И последнее станет самым сложным, доступным лишь настоящему таха.

– Разве я говорил, что принадлежу к твоему племени? Пусть даже орки и гоблины – братья, но ведь лишь двоюродные.

– Не говорил, верно. Но я великодушный вождь и согласен зачислить тебя в свои подданные. Если, конечно, ты пройдешь последнее испытание.

– Погоди-ка, Потрясающий Пальмы, – встрял я, пока Зак ловил ртом воздух. – Но мы связаны контрактом. Мы не можем так просто бросить наши геодезические изыскания. У нас свои семьи и племена. Твое предложение очень почетно, но мы вынуждены отклонить его.

– К тебе, белая обезьяна Федор, у меня нет вопросов, – брезгливо, хотя и без враждебности ответил вождь. – Можешь забирать свой мешок и продолжать изыскания. А вот полосатый друг Зак имеет все шансы навсегда избавиться от американских и эльфийских угнетателей и стать свободным. Ты ведь хочешь стать свободным, Зак?

Диверсант тяжело задумался. Похоже, употребление хухум-ржи сильно снизило его умственные способности. С другой стороны, оголтелый отказ может вызвать самую негативную реакцию у местного населения.

– Возьмешь себе две или три жены, – продолжал увещевать орка вождь. – Они будут собирать плоды, ловить рыбу, готовить много еды, починять хижину. Во многих домах нет хозяина, Черный Шаман половину самых сильных мужчин забрал на войну...

Тут я насторожился. Если нам удастся найти в лице Гушшах-Бижи союзника, задача по ликвидации главаря бунтовщиков серьезно облегчится. Но рассчитывать на такое необыкновенное везение умелый диверсант не станет. Главное сейчас – вырваться из лап гоблинов и продолжить путь на юго-запад. И так уже потеряно полдня.

– Что ж, перспектива заманчивая... Я должен как следует подумать, – сказал наконец Зак, совладав с растерянностью. – Это очень неожиданное предложение. К тому же весьма почетное. А вдруг я не справлюсь с третьим испытанием? Какой тогда из меня таха?

– Мы уверены в твоих силах, – торжественно заявил Потрясающий Пальмы, и лучшие гоблины поселка подтвердили его слова доброжелательным гулом.

– Ну а если все-таки не справлюсь? – продолжал сомневаться Зак.

– Что ж, тогда для вас обоих только один путь – к Черному Шаману, под охраной моих доблестных воинов. Он-то хорошо знает, как разговаривать с киафу, чтобы вывести их военную тайну...

* * *

Скоро выяснилось, что перемещаться с высокой скоростью он не способен. После нескольких секунд форсированного движения перегревался и выходил из строя блок, отвечающий за координацию движений. Люсьен начинал бестолково кружить на одном месте, пока в блоке не восстанавливалась рабочая температура. Обычно для этого требовалось от семи до двадцати минут. Таким образом, преодоленное на форсаже расстояние оказывалось

значительно меньше того, что он мог пройти за то же время в обычном режиме. Вдобавок через пробоину в груди постоянно проникала влага и насекомые. Часть контуров лишилась изоляции, время от времени происходили мини-замыкания, влекущие за собой сбои систем. Влага при этом испарялась, насекомые сгорали... однако того и другого в джунглях имелось в избытке.

Оценив ситуацию, Люсьен решил залатать пробоину. Для заплат он воспользовался кожей с ягодиц. Чтобы разогреть края заплат до пластичного состояния, пришлось развести огонь и дождаться появления углей. На это гомункулус потратил около часа. Приладить заплату на спину без посторонней помощи оказалось очень трудно, но он справился. Насколько хорошо, покажет время. Зато входное отверстие Люсьен заклеил чрезвычайно надежно. Покончив с ремонтом, он ощутил что-то вроде гордости. Конструкторы-гремлины предусмотрели в его программе эмуляцию зачатков чувств – это должно было помочь гомункулусу контактировать с напарниками-людьми.

Затем он долго и неустойчиво шел по следу Стволова и Маггута. Когда Люсьен преодолевал крошечный ручеек, возле которого люди делали привал, на него набросилась водяная змея. Он позволил пресмыкающемуся вонзить зубы в свою ногу, затем поймал его за голову и поднес к уцелевшему органу зрения. С изогнутых зубов змеи стекали капли желтоватой вязкой жидкости. Люсьен поймал каплю на язык. Сильный нервнопаралитический токсин. Гомункулус сжал пальцы, растирая голову опасной твари в пюре, затем отшвырнул свивающееся кольцами тело в ручей. Нужно было спешить. Джунгли представляли опасность для его напарников. Конечно, Люсьен мог выполнить задание и в одиночку, однако такой ход вещей был нерационален, поскольку грозил дополнительными трудностями. К тому же он нуждался в оружии, чтобы уничтожить Шамана. При имеющихся повреждениях Люсьену вряд ли удастся подойти к врагу на расстояние вытянутой руки.

Когда он приблизился к деревне гоблинов и понял, что напарники находятся там, форсированный режим передвижения включился сам собой. Перегрев отрубил блок координации через пять целых сорок восемь сотых секунды. Люсьен завертелся юлой, ломая тоненькие стволики молодых пальм, споткнулся о пенек и рухнул ничком.

Даже на земле он продолжал дергаться и судорожно скрести конечностями, будто зарывающийся в землю жук. Вскоре рыхлая почва, листья и мелкие ветки засыпали гомункулуса подобием могильного холмика.

Глава 6

Время для последней, решающей проверки Зака пришло через два часа после трапезы. А до этого перед нашими глазами под звуки тамтамов, тамбуринов и бубнов плясали самые обворожительные девушки племени. Их набедренные повязки летали, словно пачки у балерин, так что видеть перед носом курчавые треугольники волос и не ухватиться за пышное бедро было довольно проблематично.

Как выяснилось, все это представление затеяли неспроста.

– Что же, – философски заметил Гушшах-Бижи, когда Зак уже был готов наплевать на приличия и завалить первую же попавшуюся девушку прямо тут, в хижине вождя. – Сейчас брат Зак должен пройти в отдельное жилище, где его уже ждут три достойные женщины.

Потрясающий Пальмы проявил себя отменным сексологом. Орк вскочил и ринулся к выходу, на ходу расстегивая ремень штанов.

– Все три должны остаться довольны! – бросил ему вдогонку вождь, но Зака это напутствие нисколько не обескуражило. Он был готов к любым подвигам и вскоре с топотом скрылся в сопровождении охраны на другом конце деревни.

Девушки, кружившиеся в центре дома, поклонились и вышли, отпущенные жестом хозяина. Я откашлялся и перевел дух. Негоже диверсанту расклеиваться от вида обнаженных гоблинш. Тем более на далекой Земле меня ждет невеста. Вот только ждет ли она в действительности? И хранит ли верность, как ее стойкий возлюбленный? А может, каждый день напивается до поросычьего визга и употребляет наркотики, отдаваясь за рубли жирным банкирам? Похотливым старцам и прыщавым богатеньким юнцам? Я поспешил выкинуть эти жуткие мысли из головы и повернулся к Потрясающему Пальмы.

– Скажи мне, великий вождь, – обратился я к гостеприимному хозяину. – А я разве не могу стать таха?

– Ты? – удивился Гушшах-Бижи. Растянувшись на подстилке, он уже почти заснул, убаюканный прохладным ветерком, – рядом стояла дочь и порой взмахивала пальмовым листом, чтобы отогнать мух. – Ты же геодезист. Какой из тебя таха? Любой сразу скажет, что ты даже киафу стать не сможешь. Нет, белая обезьяна Федор... – И он окончательно свесил голову на жирную грудь, чтобы мгновенно захрапеть.

В хижине, кроме вождя и его супруги, которая сопела в дальнем углу, остались лишь я да гоблинша с опахалом – вся охрана рассредоточилась вокруг дома. Большая часть расселась у входа, мне видны были их короткие тени. Жара давала себя знать. Судя по всему, это время суток все проводили лежа в тени, и необходимость бодрствовать вряд ли вызывала у охраны восторг.

Если сейчас обезвредить девчонку, взломать сундук и завладеть оружием, подумал я, то с сонными воинами, пожалуй, можно будет справиться, не заполучив в живот копье. Но как же Зак? К тому же после такого демарша против нас ополчатся все джунгли, и добраться незамеченными до Каса не выйдет. Не исключено, что Зака в качестве мести прикончат. Или отправят связанным к Черному Шаману, где ему уж точно придется несладко.

Словом, при любом исходе вооруженный побег выходил боком.

– Послушай, красавица, – не слишком надеясь на понимание, вполголоса проговорил я. Но мне повезло: гоблинша ответила, причем довольно внятно.

– Что тебе, человек?

– Скажи мне, пожалуйста, каково это – быть таха? Нет, не то говорю. Что будет, если Зак откажется вступить в твое племя и захочет вернуться в Ксакбурр?

– Очень плохо. Глупая мысль. У нас хорошо, потому что много мужчин на войне. Много-много любви на одного достойного мужчину. Особенно на такого красавчика, как Зак. Что там делать, в твоём Ксакбурре? Там растут большие плоды?

– Нет, пожалуй.

– Там ловится рыба размером с человека?

– Вот уж точно нет.

– Там бегают стада антилоп?

– Да ты что, какие там антилопы! Одни каменные дома и трущобы с крысами.

– Не понимаю, что там делать таха? Потому и живут там одни киафу, презренные почитатели хухум. – Она пренебрежительно сплюнула в сторону, стараясь не попасть в отца.

– А если Зак станет таха, меня отпустят с моими вещами?

– Зачем? Живи с нами. Ты симпатичный, хоть и человек. Хижин на всех хватит.

– Так я тебе нравлюсь? – приободрился я.

Юная гоблинша критически осмотрела меня, заставив встать. Потрогала мускулы на руках, проверила крепость ног и живота, брезгливо потрепала короткие светлые волосы.

– Ничего так, – наконец кивнула она. – Конечно, Зак намного красивее тебя. Орки вообще красивые, даже те, которые наполовину люди. Жалко, что я в третьем испытании не участвую.

– Тебя как зовут, малышка?

– Лублаш. А ты Федор, верно? Ну так что, останешься с нами? Может быть, я к тебе в дом приду жить... Если отец позволит, конечно.

– Он не позволит, – вздохнул я и сел. – Ведь я не таха. Даже не гоблин.

– Уж это точно. Я бы лучше к Заку пошла. Это самец что надо!

Как ни крути, дела обстояли неважно. Из реальных способов отделаться от Потрясающего Пальмы и выполнить задание оставалось только бегство без всякого снаряжения. Вот только справиться с Черным Шаманом без дальнобойных боевых жезлов будет очень непросто. Можно, конечно, остаться на какое-то время в поселке, втереться в доверие к гоблинам и только потом сбежать, взломав сундук. Но как долго придется здесь обретаться? Черный Шаман в любой момент может двинуться на Ксакбурр со своими «войсками». Правда, без имевшегося на складах оружия сделать это будет нелегко, а склады уничтожены.

Тут мои размышления были прерваны весьма решительным образом. Что-то узкое и горячее проникло ко мне под ремень. Я изумленно поднял голову и встретил лукавый взгляд Лублаш.

– Не печалься, белый воин, – прошептала она. – Пойдем за сундук. Все спят, не бойся. Вон какой у тебя твердый банан. – Она хихикнула и провела рукой у меня между ног. – Пора его съесть.

– Но-но, – насторожился я, однако за сундук пошел. Ноги словно сами несли меня вперед. – А если отец или мать заметят?

– Не заметят. Я знаю, они всегда в это время спят. Два часа. Тебе хватит двух часов?

– А как же... Ну, как тебе сказать...

– Вот. – Она вынула откуда-то из-под набедренной повязки вполне земной презерватив в блестящей упаковке и протянула мне. – У папаши стащила. Он их в специальном горшке держит, а я подсмотрела. Когда у какой-то семьи становится слишком много детей, он выдает такую штуку самцу и говорит: «Береги этот чехол, как боевое копье! Надевай на свой банан, только когда идешь спать с женой. Потом снимай и положи в ручье. А порвется – приходи за новым». Поэтому у нас в деревне не так много детей. Отец очень умный, но не сам это придумал, ему посоветовали эльфы. Они и чехлы привезли, целый мешок.

Лублаш потянула меня за руку, заставляя опуститься рядом с собой. Ей-то снимать с себя ничего не надо было – отстегнула узенькую шкурку, что болталась вокруг пояса, и

готово. Зато я, срывая пальцы на ремне, провозился не меньше минуты, прежде чем смог освободить свой пылающий «банан».

– Сойдет, – великодушно кивнула Лублаш. – Хоть и не крючком...

* * *

Как я ни сопротивлялся изнуряющей слабости, что навалилась после безумной любви с горячей гоблиншей, устоять не смог и на какое-то время отключился. Разбудил меня грозный голос вождя, который, оказалось, потерял пленника и собирался поднять на ноги весь личный состав деревни.

К счастью, Лублаш вовремя показала ему на меня, когда я с тяжелой головой выбрался из-за сундука. Сама девушка как ни в чем не бывало продолжала размахивать листом, словно ни на минуту не отлучалась от отца.

Тут же в хижину вбежал гoblin с копьем наперевес и наклонился к Потрясающему Пальмы. Я слышал, как копьеносец лопотал что-то на местном наречии, порой делая неприличные жесты. Гушшах-Бижи слушал его с возрастающим разочарованием и даже горечью, и я окончательно заподозрил неладное. Наконец вождь прервал гонца и пинком отправил его наружу.

– Плохо! – сказал он в пространство. Посмотрел на меня и с предельно раздосадованным видом повторил: – Очень-очень плохо!

– Что-то случилось?

– Твой полосатый друг не прошел третье, и последнее испытание на мужскую доблесть. Он не способен быть таха.

– Может быть, это какая-то ошибка? – Я никак не мог поверить в такое фиаско орка. – Он так рвался в битву. Не может быть! Он безумно мечтал стать таха.

– Поздно, – мрачно подытожил вождь и тяжело поднялся с подстилки. – Все уже знают, что он потерпел поражение, ничего изменить нельзя. Одна из женщин в полный голос выразила недовольство твоим товарищем.

Он выкрикнул что-то резкое, и в хижину влетело сразу трое вооруженных гоблинов.

– Проводить эту белую обезьяну в арестантскую хижину, – приказал он на эльфийском, затем опомнился и произнес то же самое на родном языке.

Копьеносцы решительно подступили ко мне.

«Бежать?» – мелькнула в голове шальная мысль. Но потом прежние раздумья всплыли в памяти, и я сообразил, что сделать это ночью наверняка будет проще. Поэтому я без всякого сопротивления двинулся в окружении конвоиров. К дверям главной поселковой хижины уже стекались самые быстроногие таха, в основном девчонки. Переноса презрение с провалившегося Зака на меня, они звучно плевались и корчили рожи и при этом совершали самые гнусные действия с бананами – ломали их пополам, рвали на части, остервенело грызли, швыряли оземь и топтали. Приснись такое старику Фрейду, тот моментально сошел бы с ума.

Гоблины бесцеремонно затолкали меня в приземистое, небольшое строение едва ли не в самом центре поселка, закрыли дверь на мощный засов и сразу отправились за Заком. Тот едва волочил ноги, и стражам приходилось то и дело поддевать его древками копий.

Орк упал на подстилку и застонал.

– Ну, несостоявшийся таха, – мрачно проговорил я. – Чем ты оправдаешь свой провал?

Орк сел и прислонился спиной к одному из столбов, они составляли каркас застенков.

– Fuck off! – озлился Зак. – Какой, к черту, провал! Видел бы ты эти рожи. И в страшном сне не привидятся! Подстава, точно тебе говорю. Одна стервозная бабка сразу настроилась меня обломать. Все ей мало было... Еще и эльфийский медальон отняли, сучки большеносые. А без него я словно голый!

Он замолк и отвернулся к противоположной стене, и я понял, что никакого раскаяния от соратника мне не добиться. Тот и в самом деле, похоже, проявил чудеса доблести, ублажая сразу трех волосатых старушек. Не вышло, и ладно... Надо теперь думать, как быть дальше.

Я обошел кутузку вдоль стен, толкая пальмовые бревна. Но те не только плотно прилегали друг к другу, но и крепко сидели в земле. Ни одно из бревен даже не пошатнулось. Кроме того, примись я с разбега крушить их ботинком, со всех сторон наверняка сбежались бы копыеносцы и тут же пресекли этот вандализм. Имелось еще два окошка для вентиляции, но до того крошечных, что в них можно было просунуть в лучшем случае голову. Да и то уши, скорее всего, остались бы в тюрьме. Сквозь эти дыры видны были глухие стены соседних хижин.

Я поднял глаза к потолку, надеясь увидеть прорехи хотя бы там. Тщетно! Кутузку строили на века.

* * *

Зак сумел прийти в себя только с наступлением темноты. Чтобы не терять времени даром, я также вздремнул и теперь был готов к новым свершениям. Вот только пока непонятно каким.

– Ну, – сказал я по-английски, едва товарищ сел и протер глаза. – Что делать будем, камрад?

Через окошечки проникали слабые отблески пламени, разожженного на поселковой площади, и мы могли видеть силуэты друг друга. Выражения лиц, конечно, терялись во мраке. Снаружи доносились довольно веселые перестуки тамтамов, повизгивания девушек и суровые реплики мужчин таха. Ночная жизнь здесь протекала почти так же бурно, как и дневная. Вот только магический шар помалкивал: не годится молодежи забывать родные напевы, поддаваясь влиянию дьявольской музыки остроухих обезьян.

– Ты старший, ты и думай, – буркнул орк.

– Может, устроить небольшой переполох? Потребовать пищи и воды? Давай-ка постучим в дверь, заодно проверим ее на прочность.

Мы принялись изо всех сил наносить удары по двери, но та ничуть от этого не страдала. Напротив, мои кости вскоре заныли от жестких соприкосновений с деревом. Сверху сыпалась какая-то мелкая труха, ошметки коры, и только. Грохот, правда, поднялся существенный.

– Что надо? – грубо коверкая эльфийские слова, спросили снаружи.

– Пищи и воды! – завопил я.

– Мы хотим знать, что вы собираетесь с нами делать! – поддакнул орк. – You're stupid cunt! Требуем соблюдения международной конвенции по защите военнопленных!

– В особенности геодезистов! – угрожающе подхватил я и тихо добавил: – Ты полегче выражайся, солдат.

– Ладно, постараюсь... Немедленно позвоните моему адвокату! – Американец, пусть и наполовину орк, без этой фразы обойтись, конечно, не мог. – А еще лучше, дайте телефон мне! Спутниковый!

Во тьме булькнули горлом и недоуменно залопотали на местном наречии. Кажется, тут не понимали таких мудреных слов, какими разбрасывался Зак. Однако вскоре в окошко влетело сразу несколько давленных бананов и калебаса с водой, больно ударившая меня по затылку.

– Утром вас отправят по реке в Кас, – сообщил тот же голос. – Не вздумайте больше ломать этот дом, а то придется вас связать.

– Отлично, – хмуро сказал я. Явно бракованные, лежалые плоды расплзались под пальцами, оставляя на ладонях липкую слизь. – Скоро я в самом деле превращусь в белую обезьяну. Меня уже тошнит от этого дерьма.

– А я люблю бананы, – не согласился орк, смачно чавкая.

– Это память предков. Ты и хухум-ржу ловко поедал. Вот только напрасно старался, все равно не помогло.

– Да, это самое обидное, – согласился Зак. – Лучше бы я на змее сломался, чем старух насилловать. До сих пор мутит, как вспомню вислые груди, поросшие зеленой шерстью. И репутацию казановы зря подорвал, черт подери.

Так или иначе, вскоре пляски и веселье на площади затихли, и на поселок спустилась обычная лесная тишина. В какой-то момент, правда, мне показалось, что жители деревни чем-то особенно возбуждены, но вскоре этот всплеск активности затух.

Если возле тюремной двери кто-то и оставался, слышно ничего не было – ожили ночные твари со своими жутковатыми стонами и скрипами. Бежать во враждебные джунгли уже не очень-то и хотелось. Может, позволить таха отвезти нас в Кас? А там как-нибудь вывернуться и покончить с Черным Шаманом?

Внезапно со стороны ближнего окна донесся звонкий шепот:

– Федор... Человек с белым бананом...

«Вот черт! – подумал я. – Скоро меня стошнит от одного только этого слова».

Я бесшумно вскочил и выглянул в амбразуру. Освещенная костром, там стояла Лублаш.

– Чего тебе? – зашипел я. – Тише, всю деревню разбудишь. Зак тоже спит, кстати. Устал после ваших дурацких испытаний.

– Он настоящий таха, – истово зашептала Лублаш. – Старая Ягва совсем сошла с ума, если твой друг не сумел усладить ее. Все об этом говорят, только про себя. Слово вождя твердо, как речной окатыш. Он решил, и, значит, вас отвезут в Кас. Хоть Потрясающему Пальмы и горько терять такого сильного таха из-за безумной Ягвы. И мне горько. Я бы с большой охотой попробовала на вкус этого здоровьячка.

– Ну и зачем ты это говоришь? – возмутился я. – Мне и без тебя прекрасно известно, что в Касе нас прикончат, будто вонючих киафу. Лучше бы дверь открыла, чем душу травить.

Она вдруг хихикнула и повертела в пальчиках увесистый ключ от мощного замка. Спустя несколько секунд запоры на двери скрежетнули, и гоблинша проскользнула в образовавшуюся щель, не дав мне опрометчиво вырваться на волю. Повиснув у меня на шее, она горячо защебетала, погружаясь шевелюрой в щетину на моем подбородке:

– Еще рано! Дай племени как следует уснуть.

– Это еще зачем? Да я их голыми руками!..

Лублаш приложила пальчик к моим губам и разом осадила, словно вставшего на дыбы жеребца:

– Нет, я хорошо поняла, что хотел сказать мне отец. Вы будете ждать еще полчаса, пока посланец из Каса не уснет очень крепко.

– Так это вождь приказал отпустить нас? – поразился я.

– Не приказал, а намекнул, – усмехнулась девушка. – Где бы я взяла ключ, по-твоему?

Пораженный, я опустился на землю, – мне показалось, что у меня начинают дымиться мозги. Эти гоблины, пожалуй, способны свести с ума не хуже французских глаголов.

– Ну и Потрясающий же у тебя Пальмы, – только и смог пробормотать я. – А что за гонец? Откуда, ты сказала?

– Он прибыл только час назад из Каса и сразу заперся с отцом в его хижине. Я подавала им еду, поэтому все слышала. Этот гонец сказал, что какая-то страшная летающая тварь напала на тайное убежище и роняла на него огненные яйца. Все оружие, с которым нужно

идти на войну с کیاфу, погибло. Не понимаю, зачем эти глупые слова? Любой дурачок знает, что такое планер и файерболы.

Я с трудом сдержал торжествующий рык.

– Этот человек из Каса спросил, не встречался ли в лесах кто-нибудь чужой, похожий на کیاфу или человека с белой кожей, – продолжала рассказывать девушка.

– А вождь что?

– Потрясающий Пальмы ответил ему, что никаких کیاфу тут не встречалось. Потом они стали пить пальмовое вино и обсуждать другие дела. Еще гость сказал, что большой гоблин в Касе очень зол и хочет жестоко отомстить всем کیاфу. Только теперь у него осталось мало оружия и нужно время, чтобы заново вооружиться. И ему скоро нужны будут новые солдаты, которые не побоятся выйти из джунглей...

– Понятно, – хмыкнул я. – Будет вооружать самых сообразительных и держать их в лагерях. Думаю, никаких складов он больше делать не станет, себе дороже. А Потрясающему Пальмы, конечно, не хочется отдавать на войну последних мужчин.

– Ты великий воин! – восхитилась гоблинша. – Ты способен проникать разумом в замыслы вождей. – Я невольно расплылся в улыбке, а девушка тем временем пристроилась у меня между колен и стала подбираться руками к моему ремню. – А где тот эльфийский чехол, который я дала тебе?

– Постой-ка, Лублаш. Его нету. Я его закопал рядом с сундуком.

– Фу, какой глупый! – огорчилась она. – Я же тебе его подарила! Зачем выбросил?

– Он одноразовый, – смущенно пробормотал я.

– Почему? Целый ведь, не порванный. Не понимаю.

Я не сумел подобрать правильных слов и замычал что-то маловразумительное. Впрочем, Лублаш объяснения и не требовались.

– Ладно, – решительно заявила она, – попробуем по-другому, все равно еще рано бежать. А еще лучше, если бы твой друг проснулся. Он мне нравится.

Но как именно она собиралась «пробовать», я узнать не успел, потому что Зак зашевелился и вдруг рывком поднял голову, тараща на две тени у стены.

– Кто здесь?

– Тихо, мужик, – сказал я раздосадованно. – Помощь пришла, скоро сваливаем отсюда.

Я вкратце пересказал соратнику сообщение Лублаш, и орк заметно повеселел. Зак был готов сорваться и тут же бежать в джунгли, лишь бы его больше не заставили проходить всякие испытания или не отправили на растерзание Черному Шаману. Мы с гоблиншей в четыре руки удержали его от поспешных действий. При чем Лублаш удерживала как-то странно. Все время делала попытки запустить руку в штаны Зака.

Когда мы наконец выбрались из кутузки, костер на площади окончательно прогорел. Это только облегчило побег. Я направился было к южной окраине поселка, но Лублаш поймала меня за рукав и зашипела:

– Ты что, человек, совсем рехнулся? Как ты выживешь в лесу без своих пожиток и горьких таблеток?

– Верно девка говорит, – поддакнул Зак.

– Заткнись, рядовой. А что, можно незаметно вернуть снаряжение? Ты разве не слопала наше лекарство?

Гоблинша не ответила, лишь посмотрела на меня с нежностью, как на слабоумного, но любимого ребенка.

– Пойдем. Если кто-нибудь услышит шорох, я скажу, что в кусты ходила.

* * *

Перед тем как бежать, нам пришлось отбить еще одну атаку. Лублаш словно экстази наплоталась. Она принялась открытым текстом зазывать красавчика и силача Зака заняться «взрослыми ласками». Порывалась даже откопать и пустить в ход эльфийский чехол. Смертельно измотанный тремя ненасытными старухами орк и думать ни о чем подобном не мог. При моей поддержке – признаюсь честно, во мне в полный голос говорила ревность – ему удалось-таки отговорить гоблиншу от этой затеи. В конце концов дело обошлось страстным поцелуем и обещанием слать открытки. На прощание я подарил девчонке на память свой опознавательный медальон с эльфийским единорогом.

– Но будьте осторожны! – напутствовала нас девушка. – В джунглях бродит демон.

– Что за демон? Ты можешь обойтись без иносказаний? Это зверь?

– Никто не знает. Его видели уже многие, но издалека. Возле нашей деревни этим вечером он сломал много пальм и зарылся в землю, как крот. Похож на большого гоблина, но страшный. Голова из железа, глаза из углей, грудь и спина из панциря черепахи, руки и ноги, как у крокодила.

– ...И задница макаки, – издевательски подхватил Зак. Настроение у него по-прежнему оставалось скверным. – У крокодилов не бывает рук и ног, девочка.

Лублаш проигнорировала замечание.

– Откуда он мог появиться? – с вспыхнувшим беспокойством спросил я. Идея бежать из деревни больше не казалась мне такой уж удачной. В демонов я не особенно верил, но мало ли какие опасности подстерегают человека в ночном лесу на внутренней стороне планеты?

– Таха считают – это чудовище, охраняющее глыбу старинного железа, которая лежит в джунглях. Какой-нибудь дурак отломал от нее кусок, и вот демон ищет его, чтобы покарать.

Мне тут же вспомнились госпиталь, тестообразная морда Алекса и его рассказ об экспедиции к замку древних магов. Стало жутко.

– Старинное железо... – раздраженно процедил Зак. – Демон – чугунные яйца... Глупые суеверия дикарей. Пойдем скорее, Федор. Меня куда больше пугает боевик Черного Шамана, который гостит в деревне. Уж он однозначно нас убьет.

Я вынужден был согласиться. Орк был прав на все сто.

Через двадцать минут мне удалось полностью одолеть детские страхи. Я шагал сквозь заросли, уверенно выдерживая южное направление, и лишь посмеивался на жалобы орка:

– Радуйся еще, что нам удалось отшить эту похотливую девку! Она бы из тебя точно все соки высосала! Во всех смыслах.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно спросил Зак.

– По ней же видно, что нимфоманка, – уклонился я от прямого ответа.

– Ну-ну. Проверено на себе, да?..

– Ладно, ты тоже от души развлекся.

Орк только сдавленно зарычал в ответ.

Светящийся циферблат компаса, совмещенного с часами, надежно поблескивал на запястье, наполняя уверенностью. Внутри Земли он работал так же исправно, как снаружи. Будь я настоящим геодезистом, голову бы сломал над этой загадкой. Но, к счастью, мое геодезическое прошлое осталось в деревне Потрясающего Пальмы. Никакие голоса животных, на которые нервно реагировал Зак, уже не трогали меня. Тем более что Лублаш сообщила: кроме демона бояться в округе некого. Самых смелых зверей уже давно извели еще более смелые воины таха. Остались разве что змеи, на которых можно запросто наступить. Да еще носороги. Но эти злобные твари встречаются в менее густом лесу.

Выручить удалось если не все, то многое из того богатого снаряжения, что мы волокли на себе от планера. Пришлось оставить жезл Зака и нож-пилу, зато коробку стеклянных шариков с файерболлами для подствольника я тащил в мешке. Поясной жезл висел в кобуре. Также бросили часть запасных кристаллов, рассудив, что вырезать целое поселение нам никто не приказывал, а с одним человеком можно справиться и малым боезапасом. Камуфляжные рубашки, немного консервов и спички стали еще одной удачей, едва ли меньшей, чем оружие. Вот только фляжки ушли на сувениры, но их с успехом заменила крепкая калевая баса – сосуд настоящего даггошца.

– Повезло так повезло, – пропыхтел сзади Зак. – Я уж и не надеялся, что живыми уйдем.

– Я же тебе говорил, что они не людоеды, – отозвался я. – А ты не верил.

– Просто всегда нужно готовиться к самому худшему. Тогда все остальное покажется ерундой. Так нам психолог объяснял. А девчонку ты ловко окрутил, – позавидовал орк. – Принцесса! Когда только успел? А мне древних старух подсунули. Я думал, сдвинусь от страха. Ладно, хоть не седых.

– Если не седые, какие же они старухи? Ты привередлив, мужик. У нас в России говорят, что бабы после сорока пяти – самый сок! Ягодки!

– Посмотрел бы я на тебя в компании этих ягодок, – пробурчал Зак. – Хотя что взять с вас, русских! Такие же дикари, как даггошцы. Даром что люди...

Тем временем выяснилось, что мы заблудились. Шли уже около двух часов, руководствуясь указаниями компаса, реки все не было. Если судить по карте, мы должны были выйти к Касаше давным-давно, однако водой даже не пахло. Не журчали струи на перекатах, не хрюкали бегемоты, не квакали жабы, не визжали утягиваемые на дно крокодилом антилопы. Наоборот, джунгли вдруг замолкли, будто вымерли. Лишь насекомые продолжали тянуть свою заунывную песню. Наконец я остановился.

– Что-то здесь не так. Похоже, компас врет. Странно, что он вообще хоть что-то показывает...

– Вот сволочизм, – запричитал Зак. – Ну почему нельзя было дать нам нормальный магический навигатор? У эльфов наверняка есть такие штуки. Я никогда не доверял компасам! Может, тут, под землей, и магнитного полюса никакого нет?

– А ты знающий геодезист!

– Все бы тебе шутить.

– Думаю, командиры надеялись на Люсьена, – рассудительно сказал я. – В гомункулуса наверняка было напихано полным-полно всяких приборов и магических артефактов. Тебе вместо куска кожи надо было его голову прихватить. Сейчас бы расковыряли, а там – что душе угодно. И навигатор, и передатчик, и даже хрустальный шар с эротическим каналом.

– Эротики я уже накушался.

– Да брось. Аппетит приходит во время еды... – Я призадумался, потом встрепенулся: – Слушай, а может, ты умеешь по звездам ориентироваться? Или по мху на деревьях.

– С чего бы? Это ведь ты разведшколу оканчивал. Да и звезды здесь не настоящие, а отблески раскаленного ядра Земли.

– Зато ты настоящий воин таха! И еще охотник. Следопыт!

Орк засопел от досады, но быстро нашелся:

– А кто у нас командир? Кто обязан заботиться о подчиненных? Вот и выводите меня из этой чащи.

– Ладно, замнем. Преппираться можно хоть до утра. Только какая от этого польза? Давай лучше поспим. А когда рассветет, залезем на дерево и осмотримся.

– Давай залезем уже сейчас. Не хочу, чтобы меня во сне носорог растоптал или слон.

– Говорю же, ты – прирожденный таха, сын джунглей, – похвалил я соратника.

Мы вскарабкались на раскидистое дерево, почти с комфортом устроились в развилке ветвей, пристегнулись ремнями к сучьям и заснули.

* * *

Выбравшись из-под нагромождения земли и веток, гомункулус хорошенько почистил оптические органы, стряхнул грязь и насекомых с остатков комбинезона, принялся и прислушался. Органы чувств как один сообщали, что деревню Стволов и Маггут уже покинули. Проблема имела два решения. Войти в контакт с жителями населенного пункта и вывести, куда подевались его напарники. Или продолжать поиски без посторонней помощи. Люсьен помнил, что контакты с гоблинским населением до устранения Черного Шамана желательно свести к минимуму, поэтому начал огибать деревню по кругу. Уловив след, зафиксировал направление и размеренно пошагал на юг. Он был уверен, что теперь-то наверняка догонит напарников.

Людям требуется ночной отдых, а ему – нет.

* * *

Рано утром, забравшись на дерево, которое казалось выше остальных, я оглядел окрестности. Прорех в зеленом океане обнаружить не удалось, лишь в паре километров к югу виднелось какое-то пятно вроде вмятины от титанической задницы. Листва вокруг и внутри вмятины была более темной, чем везде. Над пятном кружили белые птицы. Рассудив, что это цапли или чайки, а цвет зелени свидетельствует об обилии воды, я слез с дерева.

– Продолжаем путешествие на юг! – скомандовал я.

– А поесть? – возмутился орк. – У меня после тюремных бананов крошки во рту не было. Я бы сейчас и от хухум-ржи не отказался!

– Ишь, гурман! Когда пойдем, смотри по сторонам внимательнее. Найдешь змею, сразу хватай! И про гусениц, мокриц, жуков разных не забывай. Без них у кушанья остроты не будет.

– Я консервов хочу.

– Нет, консервы только в обед. Нужно экономить.

Зак гневно сверкнул глазами, но от перепалки удержался.

Продираться сквозь джунгли на голодный желудок было трудновато. Силы быстро таяли. К счастью, вскоре мы наткнулись на широкую звериную тропу.

– Верно идем! – прибодрился я. – Это антилопья дорога к водопою.

– Откуда знаешь, что антилопья? А вдруг слоновья или львиная? Или совсем неведомых зверей, хищных, как русские медведи?

– Эх ты, горе-следопыт! Смотри, помет орешками. Так только травоядные гадят.

– Если я в ближайшие полчаса не пожру, даже орешками сыпать разучусь. Так что готовь жезл, сержант. Подстрелим на водопое антилопу, наедемся досыта.

– Тебе бы только брюхо набить, – пожурил я товарища.

Не успели мы насладиться комфортным путешествием, как тропа стала забираться круто влево. Я вполголоса ругнулся и решил сохранять прежний курс.

– Эй, ты куда, брат? – заволновался Зак.

– К реке.

– Но ведь антилопы...

– У тебя кто командир? – рассердился я. – Сержант или антилопы? Не отставай.

Орк, злобно бурча, двинулся за мной. Я перешагивал через гниющие стволы деревьев, отмахивался от болтающихся повсюду лиан и пытался понять, отчего звериный путь уводит

в сторону от места, которое мне казалось наиболее похожим на реку. Возможно, тропа ведет совсем не к водопою, а к пастбищу? Или к логову неизученного хищника, который обладает телепатическим даром, как у вампиров? Проголодается такой зверь, напряжет вырост на лбу – и раз, какая-нибудь серна уже мчится к нему сломя голову. И так каждый день за исключением периодов спаривания. Да нет, ерунда. Если бы упыри здесь водились, Лублаш наверняка бы предупредила.

Я решил, что мы будем идти на юг еще полчаса, а затем, если вода не встретится, повернем назад. Едва успев так подумать, я увидел впереди просвет.

Выбежав на небольшую полянку, обомлел. Полянка определенно была рукотворной. Трава и ползучие растения начали понемногу затягивать следы человеческой деятельности, но пока не скрыли целиком. Деревья и кусты на обширном участке были спилены под корень. Вздymались остовы трех палаток. На них, как разорванные бурей паруса на мачтах, болтались клочки выпцветшей ткани. Из травы, словно две буквы X, торчали ножки перевернутого длинного стола.

В дальнем конце полянки из зеленого месива лиан выглядывал лиловый чешуйчатый бок титанического сооружения сложно изогнутой формы. Будто, прежде чем затвердеть, сооружение было живым и очень гибким – как танцовщица или змея.

– Fan-fucking-tastic! – ахнул за спиной Зак. – Что это за хреновина, командир?

– Глыба старинного железа, как говорят наши друзья таха.

– Колдовской замок, да?! Тот, про который нам с тобой эльф на дереве рассказывал?

– Точно. А ты, оказывается, не все забыл, что на мэллорне было.

Я взглянул на компас. Так и есть, стрелка красным концом указывала точно на развалины. Антимагнитный полюс какой-то! Я медленно попятился.

– Давай-ка делать отсюда ноги, братан.

– Это почему еще? – заартачился орк. – Я отлично помню, эльф говорил, что на древних магических артефактах можно кучу бабла срубить.

– Потому что я про эти развалины не только от эльфа слышал. Со мной в госпитале крендель лежал, который их исследовал. Видишь, лагерь разорен?

– И что?

– То, что здесь не только артефакты, но и их охранники имеются. Помнишь, Лублаш про демона рассказывала? Наверняка он – один из сторожей! А это, мужик, терминаторы страшнее покойного Люсьена. Экспедицию того парня всю вырезали, только он спасся. Наше счастье, что охранники лишь в сумерках появляются. Иначе твои косточки уже муравьи бы обгладывали.

– А твои! – возмущенно завопил гоблин. – Твои разве нет?

– И мои тоже, – скрепя сердце согласился я. – Все, валим в темпе.

Я ухватил Зака за локоть и, пятясь, стал углубляться в джунгли. Соратник едва переставлял ноги. Похоже, артефактовая лихорадка крепко завладела орком.

– Давай, давай, шевели булками, – подбадривал я его. – Лучше быть бедным, но живым орком, чем богатым трупом без признаков половой принадлежности. Эти сторожа первым делом мужские причиндалы отрезают, уж я-то знаю. Они же колдунами созданы, а у тех у них первейшая задача – сбор магического материала. Семенники и прочее в том же духе – главное вместилище магических сил, сечешь?

Зак дико взглянул на меня, а потом вдруг двинул кулаком в лицо. Я охнул и выпустил его руку. Воспользовавшись этим, орк бросился к замку.

– Вернись! – кричал я ему вслед. – Стой, идиот, пропадешь!

Тот не реагировал. Зажимая пальцами разбитый нос, я побежал следом. Под ногой противно хрустнуло, какая-то дрянь капканом вцепилась в штанину. Я скосил глаза и чуть не заорал от ужаса. На ноге болтался кусок добела очищенной дождями человеческой груд-

ной клетки. Ребра охватывали мою голень, будто полуметровые кривые зубы. Я отшвырнул костяк концом жезла и побежал дальше.

Стена замка нависла надо мной, темная и неумолимая, как грозовое небо. Каждая чешуйка магической брони была размером с тарелку. Поверхность чешуи безжалостно выщербили бешеные колдовские атаки вражеских магов, до цвета чугуновой окарины опалил чародейский огонь. От развалин тянуло адским холодом.

Я осмелился ковырнуть одну чешуйку ножом-пилой. Острие скользнуло, будто по стеклу. Странно, а лианы за что-то цепляются. Может, броня отталкивает только неживые объекты? Однако проверить догадку, потрогав стену замка рукой, духу у меня не хватило. Возьмет да засосет внутрь! Или прилепит крошечного волшебного паразита, который проникнет в мозг и медленно выест его изнутри.

Зак обнаружился возле пробоины в стене пузатой башни. Дыра была размером с ворота планерного ангара, с расплавленными краями. Ее затягивала полупрозрачная матовая пленка, выпуклая, будто часть воздушного шара. Утроба башни почти не просматривалась.

В самом низу, рядом с краем дыры, сквозь пленку виднелось что-то среднее между бутылкой и калёбасой. Предмет казался живым – внутри его свивались туманные струи, поблескивали расплывчатые искорки.

– Вот оно, богатство! – благоговейно проговорил орк и опустился перед артефактом на колени, будто перед алтарем Мамоны. – Как бы еще добыть это дерьмо?

– Не трогай, убьет!

Мне показалось, что зловещая пленка, надутая неведомыми газами, что-то напоминает, словно я уже когда-то видел ее. Но память никак не желала раскрываться и выдавать ответ. Пока я пытался опрокинуть в голове ментальную стену, орк вооружился острым сучком и уже вовсю тыкал им в преграду. Не успел я возмутиться вдвое громче, чем в предыдущий раз, как пленка лопнула, будто колоссальный воздушный шарик. Наружу вырвался воздушный ураган, затхлый и смердящий. Только воздушный ли?

Впрочем, бравого орка духи мертвых колдунов не смутили. Даже не зажав нос – привык, как видно, и не к таким ароматам в своей казарме, – он запустил руку в отверстие. Едва он успел выдернуть добычу, как пленка вновь приобрела прежний вид, разве что не пучилась от газов. Но я все-таки успел разглядеть в шаге от дыры, внутри башни, желтый человеческий череп, который оскалил пасть как будто в сатанинском хохоте.

* * *

Наконец-то Стволов и Маггут попали в поле зрения Люсьена. Они остановились возле огромного сооружения, информация о котором в памяти гомункулуса отсутствовала. Органы чувств тут же выдали массу сведений, из которых Люсьен сделал вывод, что объект – отдаленное подобие его самого. Только значительно более совершенное и предназначенное для иных целей. Сейчас оно не функционировало.

Желая привлечь внимание соратников и оповестить их о своем появлении, гомункулус принял решение подать голос.

* * *

Стоило Заку покрепче ухватить магическую вещицу, ставшую теперь похожей на прозрачный горшок, наполненный зеркальной субстанцией вроде ртути, как джунгли огласил дикий вой. Точно целая стая чертей разом задула в адские волынки, загоняя грешников на раскаленные сковородки. Разумеется, почуявшего запах большой наживы орка такие мелочи

отвратить от задуманного не могли. Он крепко прижал находку к груди – и лишь после этого вскочил и начал озиаться.

– Что за сирена, Федор? Нас застукали на горячем?

– Смотри сам, – пролепетал я дрожащим голосом и указал пальцем в джунгли.

Там, во влажном лиственном полумраке, что-то двигалось – точно по направлению к нам. Медленно и неотвратно, напролом. Поблескивал металл. То и дело срывались на визг проржавевшие за столетия суставы. Хрустели ломаемые сучья. Огнем преисподней пылали два желтых зрачка.

На мгновение мы оцепенели, загипнотизированные жутким зрелищем. Затем одновременно повернулись кругом и дали такого деру, что позавидовал бы чемпион эльфийских состязаний по скоростному преодолению пересеченной местности.

Выскочив на тропу, мы, не сговариваясь, устремились по ней. Я мчался и думал об одном – только бы не вляпаться в какие-нибудь ядовитые кусты, словно незадачливый Алекс.

К воде вылетели примерно через полчаса. А может, раньше – или позже. Когда спасаешься от смертельной опасности, время течет в абсолютно ином темпе, чем обычно.

Касаха оказалась хилой речушкой шириной метров десять. На удивление, тропа заканчивалась вовсе не водоемом, а почти настоящей пристанью. Вряд ли ее построили антилопы. Скорей всего, пристань оборудовали хозяйственные гоблины. Стало быть, и тропа была протоптана отнюдь не копытными, решил я. Такая же мысль пришла в голову орку.

– Почему Лублаш сразу не показала нам эту дорогу? – тяжело дыша, спросил он.

– Наверное, из-за того, что ты отказался ее приласкать...

– Вредная большеногая тварь! Я же ей объяснил почему.

– Да все вы, гоблинская порода, без башни. Я вот тоже говорил тебе: не подходи к развалинам, и объяснил почему. А ты все равно полез! Едва в живых остались.

– Прости, командир. Что-то нашло на меня, будто кто-то звал. Древняя телепатия, ей-богу. Сам же говорил, маги семенной материал собирают. Вот и подманили меня, сволочи! Видно, мой материал особо ценный. Зато сейчас разбогатеет! Такая штука должна дорого стоить.

Зак покачал древний артефакт на руках, словно младенца. Содержимое сосуда немедленно отреагировало на ласку, из зеркальной жидкости превратившись в подобие яично-желтого тумана, наполненного движением ярких искр.

– Ух ты! – восхитился Зак. – Ну, точно разбогатеет. I bet my ass on that!

– Разбогатеет... Нам бы живыми остаться.

Необыкновенно зоркий от избытка адреналина, я быстро обнаружил поблизости узкую протоку, куда гоблины загоняли лодки. Никто, конечно, не озаботился приковать или еще как-нибудь защитить их от грабителей.

Мы вывели одну из самых больших и прочных на вид лодок из протоки, стащив из другой посуды второе весло.

– Ты умеешь грести? – с сомнением спросил Зак. – Да еще двумя веслами?

– Я в детстве секцию юных яхтсменов посещал. К тому же плыть будем по течению. А второе весло тебе, между прочим.

– По-моему, в этой реке должно быть полно крокодилов, – не унимался пессимистичный орк. – Или пресноводных акул.

И точно, словно подтверждая его слова, по гладкой поверхности воды промелькнул небольшой бурун. Тут же донеслось еще несколько всплесков.

– Что-то мне расхотелось тут плавать, – в сомнении проговорил орк. – По правде говоря, крокодилов я боюсь даже больше, чем собак или таха.

– Может, тогда вернемся к твоему другу-колдуну? – насмешливо предложил я и забрался в лодку. – Отставить панику. Двигай сюда, – приказал я и похлопал рукой по борту. –

Беглецы всегда скрываются по реке, это я тебе как выпускник разведшколы говорю. Вода надежно уничтожит наши следы.

– А крокодилы – нас самих...

Орк залез в лодку, и посудина тотчас наполовину ушла в воду – все-таки она не была рассчитана на двоих. Интересно, как таха собирались везти на ней пленников? Неужто волоком на веревке?

– Придется держать равновесие. Иначе зачерпнем бортом воду, и тогда уж точно угодим на обед к этим гадам. Или на второй завтрак.

Я сел на носу и погрузил весло – обрубок пальмы с привязанной к нему деревянной лопастью – в черную воду. Зак же пристроился на корме так, чтобы суденышко сохраняло хоть какую-то устойчивость. Грести он надумал с другого борта, чтобы не вилять по фарватеру. Вещмешок с остатками консервов и боеприпасами мы положили между собой.

– Только бы бегемоты не проснулись, – пробормотал неудавшийся таха. – Бегемоты хуже всех, даже крокодилов. Как двинет в борт, пиши пропало. Или пантера с дерева может прыгнуть, тоже не шутка. А то еще и гориллы бывают, знаешь? Заметит самец человека – и давай с ним драться за своих вонючих самок. Пока не отмутузит в хлам, не отпустит. Разве с такой образиной справишься?

– У нас снайперский жезл есть, – утешил я его. – А еще поясной и нож-пила в придачу. Не трусь, прорвемся.

Глава 7

К полудню удалось преодолеть не меньше тридцати километров. Несмотря на извилистое русло и высокую плотность прибрежной растительности путь давался легко. Особенно по сравнению с джунглями, где каждый километр отнимал столько сил, что их могли компенсировать лишь горы диких бананов. По берегам валялись живые «бревна» крокодилов. В отличие от земных родственников у них была разноцветная шкура и высокий костяной гребень на уродливой голове. Может, это были и не крокодилы вовсе, а ящеры триасового периода. Однако две потенциальные жертвы, видимо, выглядели слишком опасно даже для них, поэтому никто из гадов не сорвался с места, чтобы протаранить лодку.

Во время пути орк то и дело извлекал из мешка добычу и подолгу с восторгом рассматривал ее. Простукивал, нюхал артефакт – разве что на зуб не пробовал. Я, хоть и был раздрадован проступком подчиненного, распекать его не пытался. Сделанного не изменишь. Но колдовская бутылка привлекала и мое внимание. Судя по восхищенным комментариям соратника, емкость время от времени как будто случайно меняла температуру и даже содержимое. Оно то походило на ртуть, то на замороженную минеральную воду. То на раскаленное оливковое масло, то на влажный туман, в котором плавают светлячки, а то на гроздь изумрудных пузырьков. Один раз даже показалось, что в артефакте находится обыкновенный мелкозернистый песок.

– Эх, не к добру ты стянул у дохлых магов их собственность, – не выдержал я. – Лучше бы кусок пленки оторвал!

Я наконец вспомнил, что такой же «материал» показывал на мэллорне эльф. Вспомнил и полезные свойства, которыми обладает пленка. А от этой бутылки черт знает чего ждать! Может, это бомба с часовым механизмом? Или с каким-нибудь другим, который вынудит ее жахнуть в один несчастливый момент? А что, если доисторические маги были некромантами и заточили в артефакт заклятье, которое медленно превращает владельца в зомби? Не хотелось бы мне однажды ночью обнаружить рядом с собой ходячий труп вместо Зака.

Когда солнце поднялось в зенит и организм отреагировал на это обильным потоотделением, решили сделать привал. Орк в очередной раз неохотно спрятал добычу в мешок, на самое дно, и вернулся в образ простого диверсанта. Следовало не только подкрепиться, но и определить местоположение. Ни мне, ни соратнику совсем не хотелось попасться в лапы гоблинам так же нелепо, как давеча.

В метре от илистого берега, когда дно лодки заскребло по дну, Зак спрыгнул в воду и стал вытягивать посудину на сушу. Характерный крокодилий профиль, притаившийся в кустах, я заметил случайно. И заорал:

– Берегись! Справа!

Умение быстро исполнять приказы командиров пришлось кстати. Орк успел отпрыгнуть вбок. Мощные челюсти клацнули в сантиметре от его ступни. Тварь вновь изготовилась, чтобы броситься на Зака. Хвост ее бешено дернулся и ударил в борт лодки, отчего я вывалился в воду, не успев пустить в ход малый жезл. Видимо, этот звук и отвлек гада от повторного прыжка – он повернул чудовищную пасть к источнику звука. Я не растерялся, и крокодил получил в глотку ветвистый разряд молнии. Над рекой разнеслось звучное эхо, вокруг взбалмошно заголосили обезьяны и птицы.

Разноцветный гад дернулся и затих, изогнувшись в нелепой позе. Магический разряд вскипятил мозг, второго выстрела не потребовалось.

На ватных ногах я выбрался из воды и сел на шершавую тушу крокодила. Руки ходили ходуном, жезл чуть не выпал из ослабевших пальцев.

– Сказал же тебе, тут полно крокодилов, – пролепетал Зак, выбираясь из куста. Кожа на его лице посерела от пережитого ужаса, а губы подрагивали.

Я смог оправиться от испуга только после того, как съел банку тушенки и зажевал ее недозрелым плодом манго. Лодку пришлось бросить. После удара крокодильего хвоста починить ее смог бы только настоящий таха. А Зак все-таки не до конца прошел испытания, и веры ему не было. К тому же очень быстро вокруг поверженной твари стали скапливаться крокодилы и прочие хищники помельче. Они ворчали в кустах, заставляя нас крепче стискивать оружие. Монстры хоть и не спешили вылезать из укрытий, но порядком нервировали.

Латать пробоины в такой враждебной обстановке было проблематично. Конечно, можно было бы перестрелять всех тварей поголовно, залив джунгли и воду в реке кровью, но это было бы слишком жестоко. Миротворцы так не поступают.

– Ладно, уточним местоположение, и вперед, – распорядился я.

Закинув пустые банки в кусты, откуда тотчас раздался скрежет зубов по жести, мы склонились над картой местности. Я запомнил несколько последних поворотов реки, а потому быстро ткнул пальцем в нужную точку.

– Вот, смотри, нам нужно строго на юг. Еще семь километров, и мы у цели. Можно, конечно, идти вдоль Касаши до самого Каса, но это рискованно. Наверняка берега кишат не только крокодилами, но и рыбаками.

– Ты боишься рыбаков, брат? Тоже детская фобия?

– При чем тут фобия! – рассердился я. – Просто они добывают рыбу не удочками, а гарпунами. Засадят с перепуга острие в бок, тут и конец диверсанту Маггуту.

– Да, гарпун штука опасная... А что дальше?

Вопрос мне совсем не понравился, потому что ответа на него я пока не знал.

– Вот пока идешь – думай. И я тоже буду.

Мы выволокли обломки судна на берег и затолкали в кусты. Теперь это свидетельство нашего бегства не было заметно с реки. Хотя опытные охотники, конечно, сумеют разглядеть следы. Однако я надеялся, что мудрый Гушпах-Бижи не станет высылать за нами погоню и вообще постарается скрыть от других вождей сам факт пленения чужаков. Этот правитель был заинтересован в прекращении войны и вряд ли поверил в мою басню о «военных геодезистах».

* * *

Памятуя о позорном пленении, мы двигались так тихо, как только возможно. Но и сил это отнимало раза в два больше, чем обычный размашистый шаг по джунглям, когда рука смело отбрасывает лиану вбок, а подошва неумолимо впечатывается в череп неповоротливой ящерицы.

К сожалению, пронырливые обезьяны не очень-то верили в наши добрые намерения и старались оповестить всех в округе, что некто чужой крадется в зарослях. Поэтому я принял решение переждать светлое время суток и подобраться к Касу во мраке.

Разжечь костерок мы опять не рискнули. Слишком уж близко было поселение, и дым мог выдать нас бдительным гоблинам.

– Ну что, план готов? – любопытствовал Зак. Лежа на взгорке, в тени высокой пальмы, он поедая фрукты, добытые за минуту до этого. – Как мы пристрелим этого парня? Люсьен-то погиб. За снайпера у нас теперь ты, как я понимаю.

– Зачем же обязательно стрелять? У нас и файерболы есть.

– Ладно, как ты метнешь в него файербол?

– Почему обязательно я? У тебя тоже рука есть, даже две.

– Ты доверишь мне этот сложный этап операции?

– Естественно, ты же подрывник. К тому же доказал свою меткость в деревне.

– Вот еще! Сравнил священное копьё с файерболом! У меня, может, все еще нервы не в порядке после старух и крокодила. Вон как руки дрожат.

– Уймись, солдат. Для метания файерболов у нас есть подствольник. Я просто проверял твою готовность пожертвовать собой ради великой цели.

Я задумался. Во время утомительного перехода все мое внимание отнимали рельеф местности и тщетное желание оставаться незаметным для зверья. Теперь же пришло время всерьез озаботиться планом. До поселения Черного Шамана оставалось всего два-три километра, и откладывать разработку операции было уже невозможно.

– Есть одна задумка, – осенило меня. – Ты у нас почти настоящий таха, вот тебе и поручим это небольшое дельце. Сходишь в разведку.

– Еще чего! – возмутился Зак. – Я и так за двоих у Потрясающего Пальмы отдувался. А ты только жрал и красивую девку трахал.

– Во-первых, гоблиншу назвать красивой может только извращенец. А во-вторых, ты тоже девок трахал, причем сразу трех. Не говори, что это были мужики. И жрал, кстати, не меньше, деликатесы всякие. Отдувался он! Ну, копьё метнул, да и то чуть не промазал.

– Нет, это уж слишком! – продолжал бушевать орк. – Ты хоть и командир, но посылать меня на верную смерть не имеешь права. К тому же я не знаю языка таха, меня сразу раскусят.

– Это верно, – остыл я. – Но план все равно хороший.

– Нет! Хуже плана и придумать нельзя, – возразил Зак.

Так или иначе, до наступления темноты оставалось еще порядочно времени, и я не особо печалился: главное сейчас – рекогносцировка. Нужно изучить арену боевых действий, определить слабое место обороны и пути скрытного перемещения к флангам противника, а там видно будет.

* * *

Я, конечно, подозревал, что городок Кас окажется всего лишь крупным поселком. Но целая сотня ухоженных домов поразила меня лишь немногим меньше, чем чародейский замок. Еще штук пятьдесят хижин, рассеянных по окраинам поселка, выглядели беднее: и крыша местами прохудилась, и угловые столбы покосились.

Все это было видно в свете темнеющего неба и нескольких больших костров, вокруг которых кучковались немногочисленные гоблины. Из некоторых домов до нас долетали приглушенные стенами звуки эльфийских и гремлинских шлягеров. Судя по всему, цивилизация оставила в Касе более заметные следы, чем в Хенде. Но стиль жизни изменился не слишком. Разве что по окрестностям не шныряли дети и охотники: зверья поблизости почти не осталось. А бананы удобнее было воровать на плантации, чем таскаться за дикими плодами в джунгли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.